

Пролог: Фарид, 23 года.

Потеря памяти?

Глава 10: Сделка с Наилей.

Донорство.

Глава 1: Капран. Операция.

50/50? (перечеркнуто)

90/10!

18+

Кто этот врач? Капран?

Рождение в доме

Ясаман. Узнал ли?

Переписать
финал.

Дядя Фуад.

Раздел:
Последствие.
Вечно
исписанный
черновик.

Пари, альбом дуэти.

Наилей:
10 лет лжи?
Заговор.
(перечеркнуто)
Неправда! →

Круг 1:
Авиазаводской.
Узнать имя.

ПЕСТРАЯ ОБЛОЖКА ИСТРЕПАННОГО ЧЕРНОВИКА

18 марта
Дочь.

Эмиль Ильхам

Какое
опрашивающее
ожидание
роднее.

Избежать горано
(цисменовишка) —

Принять и стать —
и оторви на водной капле —
ледяной по трясинный чув.
попикный и не напикный шеей.

Сократить этот абзац!
Слишком много воды.

19.09..

я в лабиринте одиночества.
иду наощупь.
где же ты, мама?!

14 июня
Коляска
Победа

Барак.
Утро. 10 утра?
4 утра!
Полночь!

Родные и соны. ти, азербайджанский

Эмиль Мирзаев
Пестрая обложка
истрепанного черновика

<https://litres.ru/74395494>

ISBN 9785007109222

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

В лабиринте одиночества судьба расставляет капканы и толкает к пепелищу ада, но даже в пустом лесу можно услышать эхо надежды. «Пёстрая обложка истрепанного черновика» — это отчаянная борьба за право быть собой, за любовь и за саму жизнь лицом к лицу с высшими силами. Роман-откровение о том, как забытое прошлое способно взорвать настоящее, и о поисках тихой гавани в бездне безысходности.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	33
Глава 4	42
Глава 5	66
Глава 6	78
Глава 7	86
Глава 8	104
Глава 9	116
Глава 10	132
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Пестрая обложка истрепанного черновика

Эмиль Ильхам Мирзаев

© Эмиль Ильхам Мирзаев, 2026

ISBN 978-5-0071-0922-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*ПОСВЯЩАЕТСЯ ВСЕМ, КТО ПЫТАЕТСЯ НАЙТИ
ДОРОГУ В ЛАБИРИНТЕ ОДИНОЧЕСТВА*

**Пока человек не сдается, он сильнее своей
судьбы.**

Э.М.Ремарк

Глава 1

Странный звук, похожий на эхо осени в пустом лесу, донесся из самой сердцевины непроглядного вакуума. Словно песня Сирен, он то отдалялся, то приближался, заставляя невольно содрогаться. Звук шел из самого неба, окутанного туманом — тонкой, вибрирующей изморозью, сквозь которую холод высоты становился почти осязаемым. Фарид проснулся и поднял глаза: привычная гостья — серая луна — сегодня светилась тревожным, багровым светом. Она висела прямо над ним, как огромная лампа с красным абажуром, освещая его нищету с беспощадной откровенностью следователя.

— Что ж, раз спать не дала, так хоть полюбуюсь на тебя. Такой жгучей я тебя еще не видел, — прохрипел он, обращаясь к луне, как к старому другу, который беспардонно прервал его сон.

Он даже обрадовался пробуждению. Луна смотрела в бесконечность огромными глазами, словно знала ответ на извечный вопрос.

— Как дела, плутовка? Где побывала? Над какими крышами сегодня издевалась? — спрашивал он снова и снова, но луна лишь подозрительно молчала. — Чего ты вылупилась на меня этим своим глазом? Думаешь, я не вижу, как ты подмигиваешь туману? Тебе-то хорошо там, наверху. Ты ви-

дишь всё: и спящих праведников, и грешников, что прячут ножи в голенищах сапог. А я что? Я для тебя — просто моль, забившаяся в щель этого проклятого барака. Пришла проверить, жив ли я еще? Или ждешь, когда я окончательно рассыплюсь в пыль, чтобы выжечь это место своим багрянцем?

Ворча, Фарид встал с кровати. Тело затекло.

— Все молчишь? Твое молчание — это не величие, это безразличие ко всему свету. Твой красный свет лжет. Красный — это кровь и разбитые надежды, а ты прикидываешься уютным ночником. Только вот абажур твой пахнет гарью. А я тут надрываю связки... Пытаюсь выудить из твоего молчания хоть одно слово правды. Хотя что это я? Ты не виновата. Ты просто холодный фонарь в небесном коридоре. Это я с ума сдвинулся, раз решил, что нам есть о чем поговорить. Ты — вечная, а я... я даже не помню, кем я был до того, как этот свет впервые упал на мои ладони.

Он замер посреди своего жилища, вслушиваясь в тишину, которая звенела в ушах после странного звука.

— А звук? Что это было? Может, птицы? — он обернулся к пустому углу, словно ждал ответа от теней. — Нет, птицы сейчас в Африке, нежатся на солнце, греют перья, а меня тут чертовщина мучает. Так и до видений недалеко — скоро прискачет белочка на осле и начнет читать хип-хоп про мою никчемную жизнь... Глупости. Но звук-то был! Настоящий, живой. Может, звезда сорвалась с петель и рухнула на землю? Или боги, отчаявшись до меня докричаться, ниспосла-

ли ангела в этот гадюшник? Бред и чепуха. Пора на землю, Фарид. Твоя земля — это гнилой пол и сырость.

Он снова лег, пытаясь считать звезды, но луна загородила небо своим продрогшим светом. Она словно заполнила собой всё пространство, не оставляя места даже для маленькой искры надежды. Фарид выругался и отвернулся к стене, пытаясь спрятаться от этого багрового ока под истерзанным одеялом.

Внезапно воспоминания ожили, как старая, зажеванная киноплёнка. Перед глазами поплыла лунная дорожка — мерцающая, залитая тем самым безумным блеском, который когда-то казался ему предвестником счастья. Ему почудилось, что из этой сияющей дали на него снова глянули лучи любви. Они были теплые, настоящие, из другой, навсегда потерянной жизни. Его уносило в детство, в чистоту и свет... но видение оборвалось резким, сухим щелчком.

Фарид вскочил, судорожно хватая ртом воздух, словно его только что вытащили из ледяной воды. Его трясло. Ему казалось, что он уже почти дотянулся до этой дорожки, почти поднялся в небо, к свободе невесомости, но неведомая, злая сила каждый раз с размаху швыряла его обратно на грязный матрас, в вонючую темноту барака.

— Что вы задумали? Это карусель?! — кричал он в пустоту, вцепляясь пальцами в собственные волосы. — Верните меня на землю! Или заберите меня навсегда, или оставьте в покое! Сволочь! Слышишь?! Я устал... я хочу...

Он кричал, как раненый зверь, и этот крик бился о низкий потолок, возвращаясь к нему эхом, полным издевки. Ободранные стены барака были единственными свидетелями этого припадка. В воздухе витал запах сырости, гнили и чего-то похожего на близость смерти — так пахнет старая кровь на асфальте. Лунная дорожка, еще минуту назад манившая теплом, теперь казалась ему скользким следом гигантской змеи или тропой, по которой к небу уходят люди со страшными, стертыми лицами. Он метался по комнате, ударяясь плечами об углы, пока спасительное, тяжелое облако не навалилось на луну, словно подушка на лицо задыхающегося старика.

Обессилив, он повалился на кровать и через мгновение провалился в тяжелый, черно-белый сон, больше похожий на обморок. Ему снились огромные, ржавые корабли, уходящие в гул вечности без капитанов и матросов.

Когда он проснулся, мир вокруг казался вылитым из бетона. Тело онемело от холода, превратившись в чужой, неповоротливый предмет.

— Мне бы сейчас кофе... — прошептал он, и его голос прозвучал как шелест наждачной бумаги. — Горячего, черного, как эта ночь... Или хотя бы бульона, чтобы согреть эту ледяную пустоту в груди. Зима уже не просто стучится в двери, она выламывает косяки. Хотя у моих «хором» и дверей-то нет, только лохмотья вместо надежды.

Он сел, обхватив колени дрожащими руками. Взгляд за-

цепился за ржавый гвоздь в стене, на котором не висело ничего, кроме пыли.

— Зима дает мне шанс... — он вдруг хрипло, надтреснуто рассмеялся. — Милосердная госпожа Зима. Она предлагает замерзнуть и сгнить здесь, в этой тишине. Хотя, если замерзнуть качественно, до костей, то гнить я начну только весной. Аккурат к потеплению... Какая ирония. Стать удобрением для города, который меня выплюнул. Но я не дам вам этой радости. Не сегодня. Если я подохну здесь, вы даже не узнаете, как меня зовут. А я хочу... я должен вспомнить.

Он с трудом поднялся, и в его глазах, красных от недосыпа, вспыхнуло ярое, почти звериное упрямство.

— Пора уходить. Этот барак уже начал переваривать меня. Если останусь еще на несколько дней, то стены просто сомкнутся. В город. Пусть он меня не узнаёт, зато я посмотрю ему в глаза. Может, в каком-то витринном стекле я, наконец, увижу не призрака, а самого себя.

Он выглядел как вселенский старец, случайно заброшенный в наше измельчавшее время: высокий, плотный, в истрепанном балахоне, который на его широких плечах казался не лохмотьями, а тяжелой мантией изгнанника. Львиная грива и борода до пояса, не знавшие гребня, обрамляли лицо, высеченное из камня. Властный нос и глубокие рвы на лбу выдавали в нем человека, которого жизнь ломала долго и со вкусом, но так и не сумела доломать. И только глаза — два тлеющих угля среди пепла — горели жадным, не угаса-

ющим огнем.

— Дорогие радиослушатели! Начинаем утреннюю зарядку! — внезапно провозгласил он, имитируя бодрый, неестественно звонкий голос диктора из далекого советского прошлого. — Просыпаемся, товарищи! Солнце уже взошло, а если его не видно из-за смога и тумана — это ваши личные проблемы!

Он резко, с хрустом в суставах, выкинул руки в стороны, едва не задев плечом свисающую с потолка щепу.

— Ноги на ширине плеч! Выше ноги, товарищ, вы же не калека, в конце-то концов! Ну и что, что кости скрипят, как несмазанные петли в аду? Это музыка жизни! Дышим глубже... вдыхаем аромат сырости и безнадёги, выдыхаем остатки вчерашнего безумия! Посмотрите на девушек слева! Прекрасно! Какие грации в воображаемых трико, не правда ли? Улыбаемся им, даже если вместо зубов у нас — обломки надежд!

Фарид сделал несколько неуклюжих приседаний, тяжело дыша.

— Раз-два, раз-два... Не отлынивать! Родина смотрит на вас глазами этой багровой луны! А теперь переходим к водным процедурам! И не надо ныть, что вода в ведре покрылась коркой льда. Лед — это просто закалка для сильных духом. Представьте, что это берег Каспия, лето, и вы — молодой бог, а не старый, облезлый лев в дырявом балахоне!

С неистовым, первобытным криком он выбежал во двор,

наспех обмылся ледяной водой из ржавого ведра и, продрогший, но почти счастливый от этой резкой боли, вернулся назад.

Его «дом» — полуразрушенный барак, затерянный среди таких же безымянных руин — больше не мог его греть. Это было временное пристанище, которое по ошибке затянулось на вечность. Внутри пахло старой известкой, перегоревшей пылью и мокрой шерстью. Стены, изъеденные грибом, напоминали географическую карту неведомых, мрачных стран, а сквозные дыры в них служили импровизированными окнами в пустоту.

Единственной ценностью здесь была кровать на трех ножках. Она жалобно скрипела при каждом вздохе и, подпертая стопкой трухлявых кирпичей, была похожа на заезженного ишака, который вот-вот рухнет под тяжестью своего всадника. Ветер здесь был единственным полноправным хозяином: он бесцеремонно гулял под потолком, раскачивая всё строение, как мачту обреченного корабля. Фарид окинул взглядом этот угол — груды пустых консервных банок, обрывки пожелтевших газет, заменявших подушку, и застывшую в углу тень самого себя. Он понял: эта клетка стала слишком тесной. Нужно было просто выйти вон, пока стены не сомкнулись окончательно.

Фарид собрал рюкзак — жалкую горсть тряпья, в которой не было ни одной вещи, способной рассказать ему о том, кем он был. Перед самым уходом он в последний раз опустил

на скрипучую кровать. Старый «ишак» протестующе охнул под его весом.

— Жаль, не могу забрать тебя с собой... подохнешь тут в одиночестве, — прохрипел он, погладив ладонью шершавое, грязное одеяло. — Спасибо, дом, что не рухнул мне на голову раньше времени. Хотя, может, в этом и была твоя главная подлость? Я ведь одичал здесь. Превратился в плесень на твоих стенах.

Он вдруг замер, вцепившись пальцами в край матраса так, что побелели костяшки. В горле закипела горькая, обжигающая волна.

— Что я натворил?! — его голос сорвался на рык, адресованный в пустоту пролома в крыше. — За что ты вычеркнул меня, мир?! Кому я помешал со своей честностью? Или доброта теперь — это клеймо для смертников?! Почему... — он зажмурился до искр в глазах, — почему в голове только эта черная, ужасная пустота?!

Он сорвался внезапно. Всхлип перерос в яростный, надрывный вой. Фарид набросился на кровать, колотя кулаками по матрасу, выбивая из него облака многолетней пыли, которая забивала рот и легкие. Он грыз подушку, в которой задохались его нерожденные воспоминания, пока силы не иссякли так же резко, как и появились.

Через минуту всё стихло. В бараке воцарилась мертвая, вакуумная тишина, нарушаемая лишь его рваным, свистящим дыханием. Туман за стенами постепенно редел, неохот-

но уступая место наступающему утру. Фарид поднял голову. Лицо его было серым, осунувшимся, но в глазах вместо безумия застыла холодная, стальная решимость. Если мир повернулся к нему спиной, значит, пришло время подойти к этому миру сзади и схватить его за горло.

Он поднялся, взвалил рюкзак на плечо и перешагнул через порог. Солнце, вопреки его ожиданиям, светило по-осеннему приветливо, золотя верхушки пожелтевших деревьев. Этот контраст с ночным кошмаром был почти болезненным.

— Отличная погода. Я жив, и это чертовски многое меняет, — прошептал он, щурясь от непривычного света. — Пусть я бездомный, пусть я никто, но я иду... домой.

Где-то там, за густым подлеском, монотонно и низко гудела дорога. Этот звук был для него слаще любой музыки — гул моторов, запах жженой резины и бензина. Жизнь. Фарид был уверен, что находится в одном из пригородов Баку — может, где-то за кругом в Локбатане или в предгорьях Гобустана. Город в его затуманенном сознании рисовался старым, верным другом, с которым они просто надолго и глупо расстались.

Но реальность оказалась беспощадной. Он шел час за часом, пока приветливое солнце не начало клониться к закату, окрашивая небо в цвет запекшейся крови. Ноги налились свинцом, рюкзак тянул к земле, а города всё не было. Пустая трасса петляла среди безжизненных холмов, покрытых серой пылью, похожей на вулканический пепел. Ни огней, ни

пригородов, ни знакомых очертаний Девичьей башни на горизонте. Только бесконечное полотно серого асфальта, уходящее в никуда.

— Где ты, друг мой?! — Его крик, сорвавшийся на хрип, утонул в равнодушной тишине пустой дороги. — Неужели это ловушка? Куда Ты меня привел, Господи?!

Город, который он помнил (или думал, что помнил), словно растворился в пространстве, оставив его один на один с этой пугающей пустотой. Фарид остановился, тяжело дыша, и посмотрел на свои дрожащие руки.

— Но я не сдамся. Я буду идти, пока не упаду... а когда упаду, буду ползти. Слышишь?! — выдохнул он в темнеющее небо.

Одиночество — это не отсутствие людей вокруг, это внешнее осознание, что Бог перестал называть тебя по имени. В тот миг, когда тишина пустой дороги становится громче твоего собственного сердца, реальность дает трещину, и в неё просачивается сумасшествие — тонкое, как лезвие, и холодное, как свет далеких звезд. Мы привыкли верить, что путь — это линия от рождения до триумфа, но истинная Дорога Жизни больше похожа на это заброшенное шоссе в никуда. Здесь нет указателей, а каждый шаг перерастает в спор с собственной тенью о том, стоишь ли ты еще той пыли, что поднимаешь своими ботинками. Человек и Бог на такой дороге всегда идут в разные стороны, пока один из них не решится обернуться. Сумасшествие — это всего лишь попытка

разума выстроить мост над этой бездной, заменить утраченный рай яркими галлюцинациями надежды. И порой, чтобы найти свой настоящий дом, нужно сначала полностью раствориться в этом вулканическом пепле чужого пути. Но именно в этой пустоте, где заканчивается привычный мир, рождается тот яростный огонь, который не дает упасть. Дорога не ведет нас к цели; она сама и есть цель, беспощадная и бесконечная, как само время.

Глава 2

Солнце зашло за горизонт, и вместе с ним ушли последние силы. Сумерки в этих краях не наступали, они обрушились, как тяжелый пыльный занавес в заброшенном театре. Немая мгла. Ночь на пустынной дороге выглядела ужасающе, превращая каждый куст у обочины в затаившегося хищника, а каждый дорожный столб — в виселицу.

Фарид продолжал идти, но тьма наступала быстрее его шагов, вязкая и осязаемая, как сырой мазут. В воздухе отчетливо пахло горькой полынью и холодным камнем, но сквозь эти естественные запахи пробивался странный, едва уловимый привкус озона и старой меди — так пахнет гроза, которая всё никак не может разразиться.

Дорога под ногами вибрировала. Этот гул моторов, который он слышал днем, теперь сменился другим звуком — низким, утробным рокотом самой земли. Ему казалось, что он идет не по пригороду, а по хребту спящего доисторического зверя. С каждым шагом реальность становилась всё более зыбкой: асфальт под подошвами казался мягким, как губка, а звезды над головой были не далекими светилами, а чьи-то холодными, наблюдающими глазами. Он был здесь абсолютно один, но чувство того, что за его спиной кто-то или что-то переставляет фигуры на этой невидимой доске, становилось невыносимым.

Судьба любит давать шансы — второй, третий, десятитысячный. Но в какой-то момент ты слышишь сухой щелчок: лимит исчерпан, кредит доверия небес аннулирован. Какой из него теперь «король Вселенной», если он не может сделать даже один лишний шаг, не споткнувшись о собственную немощь? В жизни стало слишком много пошлой грубости, дешевых обвинений и шума, за которым не слышно собственного имени. В конечном счете человек — это всего лишь существо, которое до боли в суставах хочет крохотный уголок тишины и каплю заслуженного счастья. Но мир — этот жадный кредитор — отнимает и это.

Самое простое решение, манящее своей стерильной чистотой — просто шагнуть в сторону с обочины, позволить бездне поглотить себя и навсегда прекратить эту бессмысленную ходьбу. Но... великая шахматная партия еще не окончена. В тот миг, когда король падает навзничь, невидимая рука выводит вперед ферзя — своего серого кардинала, сотканного из ярости и пепла. Это не спасение, это контратака. Когда у тебя отнимают всё, ты сам становишься самой опасной фигурой на доске. Шах и мат еще не за горами, но чья голова скатится с доски первой, по-прежнему, большой вопрос.

Ноги двигались машинально, отдельно от сознания, словно два изношенных поршня. И вдруг — серая тень, плотнее, чем окружающий мрак. Сарай.

Он возник из наступающих туч внезапно, словно само пространство вытолкнуло его навстречу путнику. Грубый, приземистый, похожий на тайное убежище охотников в глухих лесах, он казался одновременно и спасением, и зловещим предзнаменованием. Фарид толкнул тяжелую, разбухшую от сырости дверь, и та поддалась с коротким, вкрадчивым стоном.

Внутри его встретил запах застоявшейся пыли, старого железа и чего-то необъяснимо сухого. Склад. В неверном свете, пробивающемся сквозь щели, угадывались нагромождения ящиков, странных коробок и штабеля полых труб, похожих на кости гигантского механизма. Сил на раздумья не осталось. Он нащупал гору пыльной мешковины, перепутанной с обрывками пеньковых веревок, и соорудил себе подобие берлоги. Едва он коснулся этой импровизированной постели, как стены сарая, словно живые, сомкнули вокруг него свое глухое, ватное тепло. Тьма за веками вспыхнула и тут же погасла. Сон накрыл его мгновенно, тяжелый и душный, как могильная плита.

Но сон не принес покоя. Тьма вдруг обрела глубину, и из этого бездонного колодца подсознания донесся голос, от которого у него перехватило дыхание:

— Фарид... Фар-и-и-д...

Он рывком открыл глаза. Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. В густом полумраке склада что-то изменилось: воздух стал тяжелым, почти осязаемым.

— Мама? Это ты? — прошептал он, боясь шевельнуться.

— Как ты здесь?.. Тебя же нет.

— Да, сынок, это я, — голос не шел со стороны, он звучал отовсюду, пропитывая пыльные стены и штабеля труб. — Я пришла к тебе.

— Мне не нужна помощь! — Фарид зажмурился, пытаясь отогнать наваждение. — У меня все хорошо. Слышишь? Я просто... я просто чертовски устал.

— Не лги мне, мальчик, — голос стал холоднее, в нем зазвучал металл. — Материнское сердце чувствует гниль раньше, чем она коснется кожи. Что ты делаешь в этой дыре? Где твоя жизнь, Фарид? Где твоя жена? Где те, кто клялся тебе в любви?

Фарид жадно вглядывался в пустоту, пытаясь нащупать в ней родные черты, но видел лишь глухую стену ночи, которая насмешливо молчала в ответ.

— Я ничего не скрываю, мама! — сорвался он на хрип. — Я потерял всё. Даже собственное имя. Я очнулся в проклятом бараке среди теней и сбежал. Я иду в Баку, город вылечит меня. Все будет хорошо, вот увидишь!

— И ты называешь это жизнью? — теперь голос гремел, заставляя жестяную крышу сарая мелко дрожать. — Посмотри на свои руки, на эти лохмотья! Неужели честь и достоинство теперь стоят дешевле этого мусора под твоими ногами? Ты должен был стать опорой, а стал призраком!

Фарид почувствовал на губах соленый, горький вкус слез.

Ярость и обида захлестнули его.

— Какая семья, мама?! Нет у меня никого! — закричал он в темноту. — Ты кричишь на меня так, будто мне снова шесть и я украл чертову конфету! Мне почти сорок, мама! Хватит нравоучений, они меня не согреют! Я — неудачник. Слышишь? Я расплачиваюсь за свои ошибки по полной программе, без скидок и кредитов. Я схожу с ума в этом сарае, и твой голос — последний гвоздь в мой гроб!

Наступила тишина. Такая внезапная, что в ушах зазвенело.

— Мне жаль, сынок... — Голос стал тихим, почти неземным. — Возможно, виновата я. Хотела выковать из тебя человека, похожего на отца, но только перекалила сталь... Прости меня. И не вздумай сдаваться. Слышишь? Борись! Прощай...

— Постой! Не уходи! Мама!!! — Фарид рванулся вперед, сдирая ногти о шершавые доски ящиков, но обнял лишь холодный, пустой воздух.

Он проснулся в ледяном поту, легкие жгло от пыли. В сарае пахло засохшей краской и едкой смолой. Сны-палачи... Внезапно за дверью послышались настоящие, живые голоса. Фарид замер, вжавшись в грудку мешковины. В помещение, выпуская струю колючего утреннего воздуха, вошли трое рабочих.

— Ух! Мороз лютый, — проворчал Садиг, растирая озябшие ладони. — Говорил я вам: пойдемте греться внутрь.

Чуть не задубели на этом ветру, как кильки на привозе!

— Да ладно тебе, воздух бодрит, — отозвался второй, бросая связку ключей на железный ящик.

— Бодрит, когда в легких не лед, а аромат свежего кята! — не унимался Садиг. Он присел на край верстака и мечтательно прикрыл глаза. — Эх, сейчас бы в июнь... На дачу в Мардакяны или в Пиршаги. Чтобы самовар на дровах потрескивал, а сверху — веточка чабреца. Запах спелого инжира, родной такой, сладкий... И прибой, чтобы шептал под окнами: «Садиг, бросай всё, иди в воду». Соскучился я по дому, сил нет. Треклятая работа: без нее не прожить, а с ней — жизни не видишь.

Фарид впитывал каждое слово, как губка. Перед глазами поплыли маревом соленые брызги Каспия и тени инжирных деревьев. Тоска по Баку сдавила горло сильнее любой петли. Ему хотелось выйти, закричать: «Я тоже оттуда! Я свой!», но багровый стыд за свои лохмотья и дикий вид пригвоздил его к месту. «Посчитают за зверя. Вызовут полицию».

Когда рабочие ушли, вызванные звонком начальства, Фарид, стараясь не дышать, прокрался к выходу. Но тяжелая дверь предательски скрипнула.

— Видите? Я же говорил — там кто-то был! — донесся приглушенный шепот Садига снаружи. — Тень промелькнула, как привидение какое...

— Обычный бродяга, Садиг. Искал, где кости погреть.

— А если он инструмент утащил? Нагрянет проверка —

прощай моя дача, не видать нам моря до зимы.

— Да чего он унесет? Видел, как он хромает? — второй сплюнул. — Пусть идет на все четыре стороны. Еще спасибо скажет, что мы его дежурному не сдали.

— Жестокий ты человек, — вздохнул Садиг, и в его голосе Фариду слышалась бесконечная, горькая жалость. — Каждый из нас может так... на все четыре стороны.

Ноябрьское солнце, еще утром обещавшее тепло Пиршагов, окончательно скрылось за черными, набухшими тучами. Фарид шел по бесконечному полотну шоссе, пока дорожный указатель не ударил его наотмашь сухими цифрами: «Баку — 175 км».

Сердце защемило так, будто в него вбили ржавый гвоздь. Сто семьдесят пять. Это не прогулка до дома — это переход через пустыню. Перед глазами, разрывая серую мглу, поплыли яркие, почти болезненные кадры: блики Каспия у кафе «Жемчужина», затейливая резьба Кукольного театра, холодный гранит у памятника Натаван... Там, в тени платанов, он часто встречался с ней. Он помнил запах её волос — смесь морской соли и того самого фиолетового рейхана с дачного стола, но само лицо ускользало, как отражение в зыбкой воде.

— Я не помню, как её звали! — взревел он, сорвавшись на злой, бессильный крик. — На «М»? На «Н»? Нармина? Нигяр? Матильда? Пилюля?! Глупости... бред сумасшедшего!

Он тряхнул головой, пытаясь вытравить из мыслей этот унижительный список имен. Да и какая теперь разница, как звали ту, чью руку он больше не держал в своей? Мир вокруг стремительно терял краски, превращаясь в декорацию для чего-то более мрачного. Фарид почувствовал, как воздух вокруг сгустился, а гул далекого мотора за спиной перестал быть просто звуком дороги. Он стал угрозой.

Проектор памяти заклинило, пустив по кадрам огненные трещины. Девичья башня, Фуникулер, узкие улочки Иче-ри-Шехер — всё это вспыхнуло и растворилось в грязной осенней дымке. Фарид тряхнул головой, стряхивая морок, и обомлел.

Мир вокруг изменился. Еще минуту назад он чувствовал подошвами твердь асфальта, но теперь, насколько хватало глаз, расстиралась лишь голая ноябрьская пустыня. Серая, растрескавшаяся земля, покрытая белесым налетом соли, жадно впитывала последние капли света. Воздух здесь был иным — он пах сухой пылью и древней, застоявшейся горечью солончака, от которой мгновенно запершило в горле.

Фарид замер, и этот звук — звук его собственной остановившейся поступи — показался ему оглушительным. Ни шороха шин, ни гула моторов. Только свист ветра в колючках перекати-поля. Беглый, панический взгляд вокруг подтвердил незамысловатую и страшную истину: дороги больше не было. Она не просто закончилась — она стерлась, словно

её никогда и не существовало.

Город грез и надежд на глазах превращался в город-призрак, уходящий в другое измерение. На многие километры вокруг не осталось ни признака жизни, ни намека на человеческое присутствие. Только он, эта мертвая степь и небо, наливающееся свинцовой тяжестью. Пространство сузилось до размеров его страха, превращаясь в идеальную сцену для разговора, от которого невозможно уклониться.

— Пожалуй, я единственный человек на планете, который умудрился дважды войти в одну и ту же воду, — заговорил он, и его голос в мертвой тишине пустыни прозвучал чужим, надтреснутым. — Самое дно... Говорят, это место, ниже которого уже невозможно опуститься. Точка, куда не ступала нога человека, но о которой наслышаны все. Царство абсолютной горечи, где страдание — единственная твердая валюта. И вот, посмотрите на меня — я нашел его. Я здесь коренной житель.

Он обвел мутным взглядом бескрайний серый горизонт и криво усмехнулся.

— Полюбуйтесь, какая тут неопишуемая красота! Глаз не нарадуется. Кажется, это место и станет моим последним пристанищем. Глупо, правда? Как можно потеряться в такой маленькой стране, где каждый знает каждого через одно рукопожатие? Значит, всё это не напрасно. В такие минуты понимаешь: я не просто свернул не туда, я родился неудачником. Само моё появление на свет было фатальной ошибкой

системы, системным сбоем человеческого рода.

Фарид прислушался к свисту ветра, который словно насмеялся над ним.

— Потрясающее время, ничего не скажешь... Теперь я не знаю, где я и кто я. Словно очнулся после сногшибательной вечеринки в чужом, холодном доме, на чужой постели, и хозяин дома уже стоит над душой с чеком за погром. Нужно найти хоть какую-то «гостиницу» в этом аду, иначе к рассвету я рискую стать ужином для местных шакалов... или для собственных мыслей, что куда вероятнее.

День окончательно капитулировал перед ночью. Воздух мгновенно остыл, превращаясь в ледяное крошево, которое жгло легкие при каждом вдохе. Ветер, до этого лишь лениво подвывавший в колючках, решил в полной мере насладиться вечеринкой: он швырял в лицо пригоршни острого песка и забирался под лохмотья Фарида, словно ледяные пальцы инквизитора.

На черном куполе неба прорезались тусклые, колючие звезды. Они не давали света, а лишь подчеркивали безразличную власть ноября над этой забытой землей. Фарид до боли в глазах пытался рассмотреть впереди хоть какой-то ориентир, клочок надежды или отблеск огня, но видел только плотную стену мглы. Она обступила его со всех сторон, превращая мир в тесную одиночную камеру без окон и дверей. В этой темноте он был просто мишенью.

— Вот это темень! Хоть глаз выколи... — Фарид остано-

вился и начал остервенело шарить в рюкзаке, борясь с непослушными пальцами. — Значит так, «коллега»: если я сейчас не найду внутри тебя фонарь, который обязан там быть по всем законам жанра, я выкину тебя к чертям собачьим в первый же кювет!

Он дернул лямку, чувствуя, как внутри перекачивается бесполезный хлам.

— Если от тебя нет никакой пользы, какого дьявола я должен таскать твою тяжесть на горбу? Ты не можешь согреть, не можешь накормить — это я еще готов принять, такова твоя тряпичная натура. Но какого черта ты не в состоянии даже осветить мне путь?! Ну и что из того, что великие мыслители советовали делать добро, не ожидая ничего взамен? — он зло сплюнул в ледяную темноту. — Оставим это прекраснотушие для иного мира, там оно, может, и в цене. А в моем положении я не собираюсь идти на побрякшки, уж тем более тебе, старичок. В этой пустыне выживают только те, кто платит по счетам... или хотя бы светит, когда его просят.

Фарид опустил ся на колени прямо в соленую пыль и, не заботясь о сохранности вещей, выпотрошил содержимое рюкзака на холодную землю. Пальцы лихорадочно шарили по ткани, металлу и пластику, но в кромешной тьме фонарь, который был обещан «законами жанра» как спаситель, так и не обнаружился. Зато он наткнулся на грубую ткань жилета. Тот был холодным, как лед, но Фарид тут же натянул его на себя, пытаясь удержать остатки тепла в теле.

— Ну вот, спрашивается, и что мне с тобой делать? — прошептал он, поглаживая пустой, обмякший рюкзак. — Ты совсем старый, брат. Наверное, даже старше меня.

Он замер, глядя в пустоту, где не было ни зги. Ярость ушла, осталась только усталость и эта странная, нелепая преданность неодушевленному предмету.

— Оставить тебя погибать здесь, в этой дыре, рука не поворачивается. Как-никак ты был мне единственным верным спутником, когда все остальные разбежались. Ладно, «старичок», я возьму тебя с собой. Поползём дальше вместе. Но, прошу... больше не разочаровывай меня. Я не требую от тебя плова или вина, я всё понимаю. Но фонарик... фонарик ты мог бы и уберечь, а? Просто капельку света для своего хозяина.

Фарид тяжело вздохнул, запихивая пожитки обратно. Тишина пустыни снова сомкнулась над ним, но теперь в ней появилось новое чувство обреченного партнерства.

Фарид поднялся, преодолевая сопротивление затекших мышц, и буквально ввинтился в темноту. Ноги вязли в рыхлой, соленой почве, словно сама земля пыталась удержать его, не пуская дальше. Он шел, выставив одну руку вперед, нащупывая путь в пустоте, пока не наткнулся на невидимую стену абсолютного безмолвия. Тишина здесь стояла такая густая и неподвижная, словно памятник всем неисполненным надеждам человечества. Он замер, жадно вслушиваясь, надеясь поймать хотя бы далекий лай собаки или гул мотора, но

мир вокруг словно впал в летаргический сон раньше срока.

— Странная история получается! — Его голос сорвался на хриплый полусшепот, который тут же утонул в холодной мгле. — Куда же я вляпался? Ощущение такое, будто я попал на необитаемый остров, стертый со всех навигационных карт. Мистика, да и только! Хотя бы какой-нибудь захудалый сарай встретился... Мы же не в Гоби, черт возьми! Это Апшерон, здесь за каждым холмом должна быть жизнь. Я не мог забрести так далеко от дороги, просто физически не мог.

Он поднял лицо к невидимому небу, чувствуя, как на щеках оседает ледяная роса.

— Боже, как же темно! Ты, как всегда, в своем репертуаре — подкидываешь мне самые гнилые задания из своего списка. Ну да, мои силы иссякли, я пуст, как этот рюкзак, и что из того? Ты решил добить меня окончательно, пользуясь тем, что я ничего не помню? Ну уж нет! Не дожدهшься ты такой легкой партии. Я еще не сдаюсь, слышишь?!

Он вскинул голову к черной, бездонной пучине, где за слоями туч прятались безучастные звезды, и сорвался на крик:

— Можешь думать, что хочешь, но посмотри на меня — я на ногах! Я всё еще иду! Ты удивлен? Еще бы, я представляю, как Ты там, наверху, сидишь и потешаешься над этой комедией. А я вот нисколько не смеюсь, для меня это нормальное положение вещей.

Фарид закашлялся, глотая холодный воздух, но не опу-

стил взгляда.

— Ты же наблюдал за мной, когда я заживо гнил в том бараке среди теней. Я уверен, это Твоя рука подтолкнула меня к той яме. Соглашусь, зрелище было жуткое, недостойное человека. Но теперь, уверяю Тебя, со мной полный порядок! Так что оставь свои шуточки для тех, кто готов сдаться, и просто покажи мне дорогу!

Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. В его голове, как вспышки маяка, пульсировали образы: чай в армуду, шум прибоя и далекий гул города.

— Слышишь?! Мне «кровь из носу» нужно туда попасть. Я должен найти старого друга, я должен вспомнить всё! Я хочу добраться до дома! До моего города! До Баку! Моего Баку!

Фарид задыхался, сначала от бешеного темпа ходьбы, а потом и от собственного крика, который раздирал легкие, как наждак. Но он не мог замолчать, слова сами рвались наружу:

— Учитывая все мои «хотелки», Ты до сих пор упрямисься! Но ради чего? — Он споткнулся, едва не зарывшись лицом в солончак, но устоял. — Чтобы человек мучился? Чтобы он возненавидел всё живое и окончательно тронулся умом? Неужели Ты допускаешь, чтобы самое совершенное из Твоих творений так унижительно страдало? Неужели Ты... Ты действительно получаешь от этого моральное удовлетворение?! Я не могу... я не могу этого понять...

Он замер, зажмурившись от собственной дерзости, и в этот миг веки прорезал тонкий, желтоватый луч. Фарид резко распахнул глаза, боясь, что это очередная галлюцинация воспаленного мозга.

— О!.. — выдохнул он, и его голос превратился в благоговейный шепот. — Смотри-ка! Надо же... какая удача! Там свет! Настоящий!

В паре сотен метров, сквозь колышущуюся массу мглы, робко, но отчетливо пробивался одинокий огонек. Маленькая точка, которая в этой бесконечной пустоте казалась ярче тысячи солнц.

— Спасибо... — Фарид сорвался на бег, глотая слезы облегчения. — Слышишь? Тысячу раз спасибо! Я иду! Я уже иду!

Собрав последние, самые горькие крохи сил, Фарид бросился туда, где в вязкой тишине мерцал тусклый, желтоватый огонек. Пространство больше не сопротивлялось, оно словно расступалось, заманивая его. Несколько раз он падал, раздирая ладони о колючий наст и камни, но не чувствовал боли. Он поднимался и бежал, как безумный марафонец, видящий перед собой ленту финиша. Ветер бешеным пульсом стучал в висках, а зубы выбивали дробь от пронизывающего до костей холода.

Наконец, свет вырос, обретая плоть и форму. Это был одинокий, перекошенный амбар, стоящий посреди нигде. Над входом, раскачиваясь на ветру, уныло мигал старый фо-

нарь в жестяном абажуре.

Фарид практически рухнул у двери, ударившись плечом о неотесанные доски. Он тяжело, со свистом хрипел, пытаясь нащупать ручку, но пальцы наткнулись на нечто холодное и массивное. На тяжелом засове, насмешливо поблескивая в свете фонаря, висел огромный амбарный замок. Глухой. Непрístupный. Немой.

— Что ж, Ты сделал серьезную заявку на победу! — Фарид с трудом шевелил непослушными губами, уронив голову на грудь. — До этого даже я не додумался. Воистину, браво... Ты показал мне путь, но запер дверь. Я не удивлен. Стоило ждать подвоха. Счастливый конец бывает только в кино, в жизни всё суровей.

Он привалился спиной к холодным доскам, чувствуя, как внутри окончательно гаснет последний фитиль.

— И не думай, что я перевоспитался, нет. Я просто пресытился всем. Теперь я не сдвинусь с места. Утром меня найдут и уже не важно, живым или мертвым. Я не рассчитал возможности, я боролся сам с собой, и в этой неравной борьбе всё было против меня. Признай, Ты впечатлен не меньше моего. Это было прекрасное путешествие. Странно, но я ожидал большего. Окно, например, незапертое... или таинственный вход в подпол. Как бы то ни было, я останусь здесь. Если Тебе есть, что добавить — валяй! Потом может быть поздно.

Он поднял глаза. Звезды светили холодным, бесконеч-

но далеким светом, равнодушные к его маленькой трагедии. Баку исчез за линией горизонта, так и не успев появиться. Осень готовилась поставить жирную точку.

Осталось лишь свернуть за угол, чтобы наступила зима.

Глава 3

Тишину ноябрьского утра будоражил монотонный звук. Одинокий автомобиль, рассекая просторы ночи и приближая рассвет, осторожно ехал по скользкой дороге. Утро вступало в свои права неохотно. Хвойные леса стояли незыблемой скалой вдоль дороги, морозный воздух был чист и свеж. Водитель и пассажир сидели молча, внимательно вглядываясь в дорогу. Несколько раз машину занесло, и водителю с трудом удалось выправить ее.

— Гляди, как мороз постарался за ночь! Днем погода еще ничего, но ночью прилично всё замерзает, — весело сказал водитель. — Эльчин! Ты там не уснул? Смотри, если ты уснешь, то и меня сморит сон...

— Нет, Алим, я в порядке! — отозвался Эльчин и повернулся к нему. — Если ты устал, я могу тебя сменить. Сколько нам еще ехать осталось?

— Полтора часа примерно, хотя из-за такой дороги, думаю, будем позже. Ты же не спешишь на работу?

— У меня сегодня выходной по идее, но наверняка вызовут, ты же знаешь мою контору.

— Знаю прекрасно. Совсем они тебя не ценят, уходить тебе оттуда нужно. Себя не жалеешь, детей своих пожалей.

— Ну уйду я, а потом что? Как жить дальше? Ты же знаешь, как сейчас тяжело найти работу. Пусть они не ценят ме-

ня, как ты говоришь, платят неплохо и ладно, пока что меня это устраивает. Перестанет устраивать, вот тогда подыщу что-нибудь, а уж потом уйду, хотя...

— Где я? Что со мной случилось? Я умер? Куда меня определили? На небеса? Или это ад? Скажите, но только правду, — еле слышным шепотом произнес Фарид. Он полулежал на заднем сиденье с запрокинутой головой и закрытыми глазами.

— Доброе утро, дядя, — Эльчин повернулся к Фариду и посмотрел на него сквозь очки. — Очень хорошо, что ты пришел в себя. Позволь представиться — меня зовут Эльчин, а это мой друг Алим. Ты не умер, дядя, не спеши так, с тобой все будет хорошо. Вот доедем до города и...

— Простите, вы сказали — до города? — Фарид открыл глаза и, пересиливая себя, подался вперед всем телом. — До какого города?

— До Баку, дядя. Через полтора часа мы будем в городе.

— О, Боже! — воскликнул Фарид и закрыл лицо руками.

— Тебе нехорошо? Алим, останови, пожалуйста, — сказал Эльчин и достал из бардачка аптечку. — У нас здесь есть успокоительное, дядя. Выпей, сразу полегчает.

Автомобиль остановился у обочины. Эльчин и Алим вышли из машины.

— Прекрасное утро! — сказал Алим. — Прямо живи и радуйся. Такой свежий воздух, хочется дышать и дышать.

— Да, утро что надо, — ответил Эльчин. Он открыл зад-

нюю дверь:

— Тебе стало лучше, дядя? Может, ты хочешь выйти и размяться, подышать? В Баку такая свежесть — большая редкость. Алим, мне не нравится этот туман. Может, стоит его переждать?

— Я думаю, не стоит. Будем ехать медленно. Мы должны успеть выехать отсюда.

Фарид взял за руку Эльчина и вышел из машины. Свежесть утра обдала его широкой полосой умиротворения. Силы возвращались. Он вдохнул полной грудью и принялся расхаживать по обочине. Эльчин и Алим наблюдали за ним — они ждали, что этот чудаковатый старик сам всё расскажет. Фарид отвык от людей, он хотел поблагодарить их, но просто не знал как. Наконец, он собрался с силами и подошел к ним:

— Я... Я... Простите меня за мое молчание. Я уже очень долгое время ни с кем не разговаривал. Вы сделали поистине доброе дело — вы спасли меня, человека без определенного места жительства, проще говоря — бездомного. Я...

— Не говори так, дядя, — возразил Эльчин. Лицо его покрылось краской. — Ты, я, мы — ведь все люди, и неважно, что с нами происходит. Я думаю, что на нашем месте каждый поступил бы так же. Правда ведь, Алим?

— Конечно, так и есть! — воскликнул Алим. Его круглое лицо и большие глаза выдавали в нем «молчуна». — Просто мы увидели тебя там, у склада, и подумали, что нужна

помощь. Ночью ведь морозно. Люди должны помогать друг другу...

— Это всё так, — сказал Фарид, — но ведь мы видим иную картину. Людей, которые просто хотят помочь, стало очень мало. Я не знаю, как выразить вам мою благодарность. Вы спасли мне жизнь! Если где-то кто-то записывает в огромную книгу жизни все добрые дела, то я буду молиться, чтобы ваш поступок был выгравирован большими золотыми буквами.

— Дай бог! — сказал Эльчин. — Нам стоит поторопиться, пока туман не поглотил тут всё вокруг.

Они вернулись в машину. Туман заметно сгустился. Алим старался ехать медленно, преодолевая виражи на перевале. Фарид сидел на заднем сиденье. Он то дремал, то смотрел на дорогу и упивался видами. Ему казалось, что они едут по извилистой горной дороге к самому заветному. Все его мысли были направлены на предстоящую встречу. Ему не терпелось увидеть город, слиться с его улочками, ощутить заново то сладострастное чувство свободы.

Им пришлось сделать еще одну остановку — туман стал непроглядным. Фарид был голоден, но не решался попросить еды. Он нервно расхаживал возле машины. Поначалу разговор не клеился, но Фарид внезапно остановился и указал в небо:

— Посмотрите туда, Солнце там...

— Глянь, Алим, вон там, — подтвердил Эльчин, обрадо-

вавшись возможности о чем-то завести разговор. — Туман совсем скоро рассеется, дядя, — довольным голосом сказал Эльчин.

— Эльчин, — Фарид опустил взгляд и посмотрел на него добродушно. — Ты отличный парень. Но прошу тебя, не называй меня больше «дядя». Я чувствую себя старше лет на тридцать.

— Но я...

— Ты ни в чем не виноват, друг. Я настолько счастлив спасению, что даже забыл представиться. Меня зовут Фарид, и мне, насколько я помню, на сегодняшний день 34 года от роду. Очень приятно познакомиться, ребята!

Минуту стояла полная тишина. Алим поднял взгляд на Фариду и, отчеканивая каждое слово, произнес:

— Ты слышишь, Эльчин? Всего 34 года. Признаюсь, Фарид, у меня шок! Как, черт возьми, такое может произойти? Что должно случиться, чтобы нормальный парень нашего возраста вдруг стал выглядеть как старик? Живешь себе, ходишь на работу, встречаешься с друзьями... А потом знакомишься с такими людьми и понимаешь: что-то идет не так. Как же так? В каком месте дороги мы свернули не в том направлении? Кто сделал тебя таким?

— Знаешь, Фарид, я думал о том же, — сказал Эльчин. — Мы с Алимом думаем одинаково. Я не буду спрашивать, кем ты был в той, другой жизни. Мне не дает покоя мысль: что было бы, если бы мы не нашли тебя? Мы ведь сверну-

ли туда совершенно случайно, нам позвонили и попросили проверить, всё ли закрыто. А если бы всё было по-другому? Ты совершенно точно замерз бы там до утра. Обещай, что по приезду ты разрешишь нам помочь тебе вернуть молодость. Почему такие люди исчезают с лица земли? О них никто не знает, их никто не ищет. Ушел в небытие и всё! Разве это справедливость?

Эльчин начал заводиться, его голос дрожал:

— Я готов руками и ногами бороться с такой чудовищной несправедливостью, но я один. Почему люди перестали видеть что-либо дальше своего носа? Что мы должны изменить, чтоб стать добрее? Мы верим в бога и черта, но не верим в любовь. Мы лжем друг другу, злорадуем. А как же мораль? Принципы человечности? Для большинства людей эти принципы превратились в пустые слова. Один мой знакомый сказал — «не беспокойся, Эльчин, в конце мы все умрем». Выходит, смысл жизни сводится к смерти? Об этом даже думать противно, обычная бытовуха!

— Я хотел бы согласиться, — произнес Фарид, — но не могу. Ваш поступок доказывает обратное. Вы сделали то, о чем я только что говорил. Пусть это было случайностью, но случайности неслучайны. Твой знакомый видит лишь момент, но жизнь — это не только ожидание смерти. Пока ты жив всегда можно что-то изменить. Нужно поставить перед собой задачу и не забывать о времени. Оно летит неумолимо. Я хочу верить в надежду. Я часто говорю сам с собой,

задаю вопросы и не нахожу ответов. Но я надеюсь до конца. Спасибо вам еще раз за то, что не даете умереть моей путеводной звезде.

— Ты заставляешь нас краснеть, Фарид, — сказал Эльчин. — Мне очень импонируют твои мысли. Большая часть людей нисколько не задумывается о жизни. Принцип «дом-работа-дом». В прошлом я тоже был таким, плыл по течению. Но в один день всё изменилось. Я стал больше размышлять, стало интересно наблюдать. Теперь я чувствую себя полноценным человеком. Спасибо случаю. И все же, Фарид — как ты там оказался? Маршрут непопулярный, наш директор специально спрятал склад там, подальше от любопытных глаз.

Фарид удивленно посмотрел на Эльчина. Он не ожидал такой резкой перемены. «Мысли мыслями, а людей всегда интересуют ужасающие подробности», подумал он.

— Я очень устал и хотел бы немного отдохнуть, если вы не против, — уклонился от ответа Фарид. Он устроился поудобнее и вскоре заснул.

— Похоже, ему не понравился твой вопрос, — чуть слышно сказал Алим.

— Станный он какой-то, — ответил Эльчин. — Вроде искренний, но странный. Простой вопрос привел его в замешательство. Чутье подсказывает мне, что он оказался там неспроста. Но давай не будем торопить события, вот доедем до города, а там уже решим, что с ним делать.

— Да сдать его в полицию и все дела, — сказал Алим. —

Ни тебе, ни мне не нужны лишние проблемы. Не нужно было нам ввязываться в это дело с самого начала.

— Сказать легко, не ввязываться! — проворчал Эльчин.
— Ты же прекрасно знаешь, что за нами следят по спутнику. Я не мог соврать, что мы уже отъехали от склада.

— Мог, Эльчин, мог, — отозвался Алим глухим голосом.
— Много раз делали так же, а потом всё сваливали на неточные данные со спутника. Что изменилось?

— Ладно, не кипятись. Мне самому стало интересно, кто это там ошивается. Познакомились с хорошим человеком... зато как говорит! Тебе ведь он тоже симпатичен, признай.

— Да, а что тут такого? Я, во всяком случае, не притворюсь хорошим. А вот ты, смеясь ему в глаза, сам затеваешь недоброе.

— Я получил указание, Алим! Давай не будем смешивать личную симпатию с работой. Мне сказали — я делаю. Представь себе, я вот выполняю поручение, а у самого на душе кошки скребут. Вот честно тебе говорю!

— Да верю я тебе! — усмехнулся Алим. — Чего ты так завелся? Это всего лишь бездомный, которому не повезло вдвойне. Откуда же он мог знать, правда?

— Как думаешь, а вдруг он не спит и все слышит?

— Я думаю, если бы он не спал и всё слышал, то уже давным-давно бы выпрыгнул из машины.

— Поскорей бы доехать уже, не знаю, чем ему еще зубы заговаривать.

Туман внезапно рассеялся. Дорога оголилась, горы расступились. Автомобиль резко прибавил скорость и через несколько минут проехал табличку: «БАКУ — 85 КМ».

— Наконец-то! Поехали, Алим, быстрее!..

Глава 4

Автомобиль въехал в город со стороны поселка Мушвигабад. Усталость оказалась сильнее предвкушения. Фарид по-прежнему спал на заднем сиденье. Эльчин и Алим молчали. Серые дома спального района наводили дремоту. По дороге Алим несколько раз останавливал машину, чтобы отогнать неумолимо надвигавшийся сон. Эльчин старался поддерживать друга, но это давалось ему с огромным трудом: он устал не меньше, а то и больше Алима.

— Фарид, мы почти приехали, — Эльчин повернулся к Фариду и тронул его за плечо. Фарид поежился и открыл глаза. Последние дни действовали на него удручающе, даже проспав несколько часов, он чувствовал усталость. — Ты выглядишь словно выжатый лимон, друг. С тобой точно все в порядке? Может все же отвезем тебя к врачу?

— Нет, со мной все будет хорошо, Эльчин, я просто немного переутомился. Но, уверяю вас, это быстро пройдет. Нужно лишь немного набраться сил. Пожалуйста, не нужно врачей. Начнутся расспросы, кто, где, откуда и тому подобное. Зачем мне, а особенно вам это сейчас нужно? Пусть все останется как есть.

— Не знаю, что ты называешь переутомлением, но здоровье должно стоять выше всего остального, ибо нездоровый человек — это несчастный человек. В твоем положении

нельзя рисковать. К тому же сейчас совсем другое время, чтобы кто-то кому-то задавал неудобные вопросы, никому никакого дела нет до того, кто ты и откуда взялся. Врач исполняет свой долг и получает за это деньги. Решать, конечно, тебе, но мы советуем не пускать это дело на самотек.

— Спасибо большое вам, ребята, — улыбнулся Фарид, — но я все же воздержусь от похода к врачу. Я дома, в родном городе, а это лучший доктор для меня. Мое лекарство — это любовь к Баку. Может показаться довольно странным, но это так. Не было дня, чтобы я не видел Баку во сне. Он стал для меня наваждением, недостижимостью. Теперь же меня переполняют эмоции, я с трудом сдерживаюсь, чтобы не разрыдаться. Это чистая правда! Мне достаточно знать, что я здесь. С этого момента моя жизнь станет прежней. Посмотрите, какая вокруг красота. Вы не представляете, как я по ней скучал! Ради этой встречи я был готов на все. И вот, наконец, сбылась моя мечта. Посмотрите, как дружелюбно он меня встречает. Прекрасное чувство, я думаю, это лучший день в моей жизни. После всех страданий, что выпали на мою долю в последние месяцы, я заслужил эту радость.

— Прекрасные слова и неподдельные чувства! — воскликнул Эльчин. — Хорошо, врача отыскали, лекарство тоже, дальше нужно решить главную проблему — место жительства. Как тебе идея? Тебе где больше по душе будет — в шумном центре или в тихом пригороде?

— Мне очень неловко, ребята, — в смущении ответил Фа-

рид, — вы и так очень много для меня сделали, я не смею еще о чем-то вас просить.

— Мы не сделали ничего сверхъестественного, Фарид, — ответил Эльчин, — мы нашли тебя и довезли до города. Ведь ты же не собираешься в такой холод жить где-нибудь под мостом или в парке. К тому же нас это совсем не затруднит, в городе сейчас очень много заброшенных домов, которые подлежат сносу. Жильцов выселили в спешке, а дома так и стоят.

— Я право не знаю, что и сказать, — с тем же смущением проговорил Фарид, — я никогда не умел просить что-то для себя, не хочу навязываться и показаться бестактным. После времени, проведенном в бараке, любая квартира, даже в доме для сноса покажется мне райским дворцом. О большем я не смею мечтать. Но нужно отдать должное моему барaku — как-никак он приютил меня на какое-то время, дал крышу над головой.

— Тебе там было хорошо? — спросил Алим.

— Хорошо, — задумчиво повторил Фарид, — в первое время я вообще ничего не понимал, потом мне стало все равно, и я привык к нему, но место было жуткое. По ночам я часто просыпался в холодном поту, мне снились непонятные сны с одинаковой концовкой. Порой я думаю, что жил в бараке совсем неслучайно, как будто меня кто-то специально туда поместил.

— А почему ты решил уйти оттуда?

— В одно прекрасное утро мне стало понятно, что зиму я тут не протяну, поэтому и ушел.

— А как же прошлое? Ведь у тебя были...

— Пршлое умерло, и я вместе с ним. Я не хочу ничего вспоминать, что было то прошло.

— Почему ты не хочешь возвращаться к той жизни? Ведь ты же не всегда был таким, правда?

— Не знаю, ничего не могу сказать по этому поводу, Эльчин. Я очнулся там, не зная, кто я и почему, но постепенно кое-какие моменты восстановились в моей памяти. Со временем все нормализовалось, я наладил жизнь, и дальнейшие рассуждения на эту тему отошли на второй план. Теперь совсем не вижу смысла возвращаться к воспоминаниям о той, «другой» моей жизни. Порой мне приходят видения, но я не могу дать им объяснения, так как не знаю, к какому периоду моей жизни они относятся. Лучше от них все равно не становится, так какой смысл тогда все вспоминать? Признаюсь, пока у меня это совсем не получается, воспоминания просто приходят, я не могу контролировать их поток, но стараюсь усердно над этим работать на подсознательном уровне. Уверен, что в скором времени я полностью от них избавлюсь.

— А если у тебя есть семья и...

— Была, Эльчин. Не думаю, что умершего будут так долго ждать, надеясь на его чудодейственное воскрешение. Поплакали, погоревали и забыли. Вот и все! Поэтому я не хочу ворошить прошлое, мне достаточно знать, как меня зовут, хотя

поначалу с этим у меня тоже были проблемы, так как я никак не мог вспомнить своего имени. Это наводило еще большую тоску на мой израненный рассудок. Представьте себе такую картину — просыпаешься невесть знать где, не знаешь, вернее не помнишь, как попал в эту дыру, ко всему прочему не можешь вспомнить своего имени. Человек в таком случае начинает сходить с ума, причем не постепенно, а сразу. Но теперь все позади, я дома и это главное.

— То есть вариант с твоим чудесным воскрешением ты отвергаешь? — не унимался Эльчин. — Представь себе, как обрадуются твои родные и близкие, когда узнают, что ты жив.

— Представлял много-много раз, — улыбнулся Фарид, — но в своих мыслях они представляли предо мной лишь как бесформенные силуэты. Я не помню их в лицо, вообще никого. Ни имен, ни каких-то других признаков, абсолютно ничего. Как мне их искать не представляю. Я не уверен, есть ли в этом смысл. Кто мне поверит? «Здравствуйте тетя Фирангиз, это я, Фарид! Я живой!» — ну скажите, разве это правдоподобно? Меня сразу же вышвырнут вон, да еще и полицией пригрозят. Меня не существует, Эльчин, я всего лишь привидение.

— Мы можем помочь тебе воскреснуть, наведем справки, начнем поиски. В наше время найти человека не так-то и сложно.

— Знаю, но я пока к этому не готов. Мне для начала нуж-

но разобраться в себе самом, понять, чего я хочу от жизни и куда держу путь, а уж потом выйти из укрытия.

— Конечно, воля твоя, но влачить такое существование тоже не дело. Как ни старайся, ты все равно привлекаешь внимание. Людям не свойственно сострадание, друг мой. Они совершают глупые поступки. Представь себе, идешь ты по Торговой в таком костюме. Какие будут ощущения?

— Нее, ребята, — засмеялся Фарид, — так я на Торговую точно не сунусь, будьте уверены. Я вообще буду вести себя очень тихо, чтобы не привлекать внимания к своей особенной персоне. Ты прав, мне нужно поменять прикид, такие вещи давным-давно не в моде. А я хочу быть в тренде, представьте себе!

Все трое дружно захохотали. Фарид удивился собственной прыти в общении и шутках. Друзья, наконец, успокоились и уверовали в полное доверие со стороны Фариды. Незаметно, машина ворвалась в городскую суету. Фарид был поражен количеством машин и людей. Город был словно пчелиный улей, слилось воедино все: жужжание и рев моторов, непонятный гул, крики людей. Фарид смотрел, словно замороженный на всю эту красоту, он так соскучился по родному Баку, что старался уловить каждую мелочь, каждый момент. Несмотря на позднюю осень по краям дороги было очень много зеленых насаждений, что придавало городу еще большую красоту. Казалось, будто попал в оазис посреди пустыни, где все пело и благоухало ароматами неизведанных рас-

тений и цветов. Город мечты, город любви и одиночества, огромный мегаполис, с каждым днем все больше устремлялся ввысь, в небо, в пустоту. Он уже не был прежним старым городком с тихими улицами. Но по-прежнему в душе осталась нежность и платоническая любовь к городу ветров. Фарид почувствовал, как запахло детством. Он знал этот запах наизусть, никакая амнезия не могла заставить забыть эти чувства. Он был влюблен в город с раннего детства и с годами эти чувства лишь усилились.

— Ребята, вы не представляете, насколько я счастлив! — Фарид покраснел и на глазах выступили слезы, — посмотри-те, как красиво! Великолепно! Я на седьмом небе от счастья, друзья.

— Знаешь, Фарид, очень часто в городской суете мы забываем об этом, — сказал Алим, — но ведь истина заключается в таких мелочах, не правда ли? Мы настолько привыкли к этому шуму, к этим постоянным заторам и пробкам на дорогах, что совсем забыли о чувствах к нашему родному Баку! Мы удивляемся, когда приезжие восторгаются городом и ходят, словно замороженные. Для нас это давно стало обыденностью. А ведь мы живем в самом прекрасном городе на Земле! Спасибо тебе за это, друг! Ты вернул то, что забывается. Простые вещи и на них стоит вся наша жизнь. Мы куда-то торопимся постоянно, но нужно лишь остановиться и посмотреть вокруг. Тогда все сразу встанет на свои места, станет, как прежде, как в детстве. Я сразу почувствовал этот

запах маминых пирожков, запах долмы тети Сары, она готовила потрясающую долму, ребята. Эти чувства очень сложно описать и передать, для каждого они есть, они особенные, они свои. Мы должны дорожить ими во что бы то ни стало. И пусть наш город изменился, пусть старых улочек и дворов с каждым днем становится все меньше, пусть Баку — это современный мегаполис с непривычным обликом, мы должны, мы просто обязаны любить его еще сильнее, ведь мы живем в потрясающем месте, самом лучшем и неповторимом. Как очень часто повторял мой отец — не нужно лишних слов, ведь это Баку и этим все сказано! Спасибо тебе большое, Фарид за эту любовь и за то, что передал ее нам!

На миг показалось, словно из каждого закоулка доносится детский смех, они отчетливо слышали голоса родных и друзей. Иллюзия продолжалась некоторое время. Черно-белое кино о прошлой жизни показывали на каждой улице. Все было как раньше и до боли знакомо. Ускользающая красота исчезающих переулков воскрешала в памяти все больше воспоминаний. Неизвестность перед воротами будущего потеряла свою обыденность. Прошлое ворвалось и захватило всю тоску. Она не причиняла боль, она радовалась жизни в данный миг. Само ее существование не могло быть случайным. Детский смех становился громче. Реальность ушла из-под ног. Перипетии обыденности не давали усомниться в своем красноречии. Оно кричало о несбывшемся, верило в настоящее и не заглядывало в будущее. Для него спокойствие зна-

чит смерть. Не вспоминая прошлого, не познаешь будущее. Смех достиг своего апогея. Толпа несносных ребятишек заполнила улицу, город, весь мир. Для них нет большей радости, чем радость жизни. Фарид, Эльчин и Алим вглядывались в толпу. Последний кадр. Размытым шрифтом видна надпись: «конец фильма». Тяжелый вздох слился воедино — они так ничего не рассмотрели.

Машина остановилась перед пятиэтажным зданием в тихом дворе. Фарид заметил, что по всему двору было много автомобилей. Само здание ничем не выделялось среди дворовой тишины, оно утопало в зелени вечнозеленых деревьев и походило на круизный корабль посреди океана.

— Куда мы приехали? — спросил Фарид. — Если это один из тех домов, о которых вы говорили, то какие же тогда дома оставляют в городе, если собираются сносить такую красоту?

— Нет, Фарид, — улыбнулся Эльчин, — с этим домом все в порядке, он новый, совсем недавно построенный и его не будут сносить в ближайшее время. Это место, где мы работаем, наш офис. Вижу, оно тебе понравилось.

— Да, отличный проект, просто и со вкусом, а главное — здание прекрасно вписывается в местность. Нужно поблагодарить дизайнера за прекрасно проделанную работу.

— Да уж, он постарался на славу! Слушай, Фарид, нам нужно уладить кое-какие дела в офисе, ты посиди в машине, мы очень скоро вернемся.

— Хорошо, ребята! — ответил Фарид, и, улыбнувшись, добавил — обещаю, что буду вести себя тихо!

— Спасибо, друг, — засмеялся в ответ Эльчин, и они прошли в здание.

Пусть так, подумал Фарид, пусть этот город сильно изменился, пусть он не такой, как раньше, но я люблю его все больше с каждым днем. Неужели меня здесь не было так долго, что все успело измениться до неузнаваемости? Я словно прилетел из прошлого на машине времени. В моей памяти не осталось ничего, что связано с современным Баку. Может так даже и лучше, ведь тогда мне предстоят новые открытия каждый день. Я поставил для себя практически невыполнимую задачу, я преодолел большие трудности и лишения и вот я здесь, а это уже многого стоит. Теперь мне нужно сделать еще один шаг вперед — нужно наладить жизнь и выйти из забвения. Я знаю, что так было не всегда. Пусть это и будет отправной точкой моего парусника жизни. Я пересел в другой корабль, и он понес меня по течению. Задача не из легких, но мне нужно идти к моей цели, шаг за шагом преодолевая неприятности и расставания. Мой корабль хочет причалить к спокойному берегу. Я капитан, я боцман и матрос. Рифы не могут меня запугать, я понимаю, что хуже того, что со мной произошло, уже не будет. Я иду на оправданный риск, ведь если все получится, я стану жить, как прежде. Это поистине фантастика, ведь раньше я не мог о таком и мечтать. Дни, проведенные в бараке, я не забуду до конца жизни. Они да-

ли мне пищу для размышлений о моем будущем. Кем я выйду туда? Абсолютно неважно сейчас. Важно то, что я жив, я смог удержаться на плаву в невероятный шторм. Мне не нужен какой-нибудь берег. Я стремлюсь к большему. Мне нужна любовь, я хочу стать счастливым. Прекрасные чувства переполняют мое сердце, не могу до конца поверить, что я вернулся сюда. Теперь мне будет проще. Все еще только начинается...

Эльчин и Алим вышли из офиса. Фарид поднял руку в знак приветствия. Он заметил, что следом вышел невысокий человек с нахлобученной на самый лоб шапкой и поднятым воротом пальто, закрывавшем полностью его лицо. Фарид невольно насторожился, но старался сохранять спокойствие. Они подошли к машине, Эльчин открыл дверь и обратился к Фариду повелительным тоном:

— Выйди, пожалуйста, из машины, Фарид!

— Что-то случилось, Эльчин? Все в порядке? — спросил Фарид в недоумении. Он смотрел на человека, стараясь разглядеть его лицо, но все было тщетно.

— Выходи, друг, — Эльчин в нетерпении повысил голос, — просто выйди и не задавай лишних вопросов. Я потом тебе все объясню.

— Хорошо, как прикажешь, — ответил Фарид дрожащим голосом. Он вышел из машины и встал в недоумении перед Эльчином. Человек в шапке подошел вплотную к Фариду и посмотрел ему в глаза. Фарид выдержал его взгляд. Он

почувствовал власть и гнев, исходящий от этого человека. Несколько мгновений он оценивающе рассматривал Фарида, затем неторопливо заговорил, обращаясь к Эльчину:

— Значит это и есть тот самый дикий зверь?

— Да, господин директор, — отозвался Эльчин, — он самый. Мы нашли его прямо возле ворот склада. Он был без сознания, почти замерзший.

— Лучше бы замерз, — усмехнулся директор, — ведите его внутрь, будем разбираться.

Он резко развернулся и зашагал обратно в здание. Эльчин и Алим молча переглянулись. Они встали по обе стороны Фарида и Алим тихонько подтолкнул его.

— Руки за спину, и давай без глупостей, Фарид! Веди себя тихо и тебе ничего не будет.

— Но как же так, друзья? — спросил Фарид дрожащим от гнева голосом. — Что я такого сделал? Что это за фокусы? Куда вы меня ведете? Если это шутка, то...

— Нет, Фарид, это не шутка, — ответил Эльчин, — проходи, проходи, познакомись с нашим офисом поближе, расскажешь свою историю и, возможно, наш директор поверит тебе и отпустит на все четыре стороны. Могу дать тебе маленький совет: говори правду, господин директор чует ложь за километр.

— Да что ты такое говоришь, Эльчин? — возмутился Фарид. — Какая история? Какая правда? Я не понимаю, о чем ты.

— Тем лучше, значит все закончится быстро и без потерь, — усмехнулся Алим, — Эльчин прав, тебе лучше говорить правду и ничего кроме правды. Так ты избавишь всех от ненужной суеты. К тому же мы очень устали и хотим домой.

— Да вы тут все с ума посходили что ли? Какого черта? Что вы себе позволяете? — закричал Фарид. Эльчин и Алим взяли его под руки, и повели на второй этаж. Несмотря на ранний час в офисе было полно народу: все с любопытством вышли из своих кабинетов и стали разглядывать Фариду, но стоило директору кашлянуть из своего кабинета, как коридор тотчас же опустел. Кабинет располагался в самом конце коридора. По обе стороны на стенах висели картины — это были подделки произведений искусства знаменитых художников. Все трое вошли в кабинет и остановились. Директор сидел за дубовым столом в кожаном кресле. В кабинете царил полумрак. Весь свет был направлен на картину, которая висела над входом. Директор подал знак и Эльчин, и Алим вышли за дверь. Он подался вперед в своем кресле и пристально посмотрел на Фариду, который равнодушно осматривал кабинет. Он был увешан бесчисленным количеством картин, грамот, фотографий. Казалось, будто человек, сидевший за дубовым столом, был большим коллекционером безделушек и подделок. Фариду он показался мрачным и суровым правителем из книжки по истории древнего мира. Молчание продолжалось некоторое время. Фарид окончательно успокоился и приготовился к отражению бес-

смысленной атаки со стороны кожаного кресла. Человек не торопился начинать разговор: он по-прежнему пристально всматривался в лицо Фарида, периодически меняя угол попадания света на свое лицо. Наконец, резким движением он встал и подошел вплотную к Фариду. Фарид понял, что победил в этой немой борьбе и всемогущий директор, который, по словам Эльчина «чуял ложь за километр», по-видимому, ничего не смог почувствовать сквозь густую бороду старика. Немым движением руки он указал на стул, но Фарид лишь отрицательно покачал головой в ответ.

— Кто ты такой, старик? — спросил директор.

— Меня зовут Фарид, мне 34 года.

— Мы раньше нигде не встречались?

— Не думаю, я бы запомнил. У меня фотографическая память на лица и на людей. Встретив кого-либо однажды, я уже никогда не забуду его лицо.

— Хорошо, перейдем к делу. Что ты делал около склада?

— Искал теплое место, чтобы переночевать.

— Только и всего?

— Да, именно так. Если не вдаваться в подробности, которые я уверен, совсем вам не интересны, то все произошло именно так, а не иначе.

— Ты знаешь, что хранится на этом складе?

— Понятия не имею.

— Складно говоришь, четко. Кто же ты все-таки такой, не пойму.

— Я самый счастливый человек на свете!

— Да что ты говоришь! — засмеялся директор. — И в чем же заключено твое счастье? Что заставляет тебя думать так? Как по мне, то это чересчур смелое заявление для человека без определенного места жительства.

— Вы правы насчет моего места жительства, но отчасти. У меня есть определенное и четкое место жительства — мой родной город Баку. Я вернулся сюда, пройдя через множество испытаний, поэтому на данный момент я чувствую себя абсолютно счастливым и даже это недоразумение, которое, я надеюсь, в очень скором времени образумится, не вывело меня из моей колеи. Я настраивался на эту волну долгое время. Пусть я в очередной раз ошибся в людях, это уже не имеет никакого значения.

— У меня сложилось впечатление, словно тебя кто-то заранее подготовил к моим вопросам. Но твои слова меня не убедили. Говоришь ты правильно, без запинки и все же на мой главный вопрос я так и не получил желаемого ответа.

— Мне больше нечего добавить.

— Ты уверен? Может быть, все-таки подумаешь немного, пока я еще добр к тебе. Но учти, что мое терпение не безгранично. Подумай, у тебя есть несколько минут. Фарид заметил, как тяжело дается директору этот разговор, пот градом лил по его покрасневшему от напряжения лицу, глаза блестели. Он с трудом дошел до своего кресла и упал в него, совершенно не беспокоясь о том, что Фарид все видит.

— На самом деле мне не о чем думать, я сказал все, как есть, ничего не придумывая. Вы говорите, что не получили желаемого вами ответа на вопрос, что я делал поздней ноябрьской ночью возле вашего стратегически важного склада. Честно говоря, я и сам не понимаю, как мог забрести в такую глушь. Я думаю, что меня обманул свет от лампочки, который брезжил вдалеке. Я просто пошел в эту сторону, вот и все.

— Меня совершенно не интересуют подробности, как ты пошел, откуда и куда ты шел, оставь их для средств массовой информации. Но что-то тут не сходится — там уже очень давно по ночам ничего не горит, я запретил всякие осветительные приборы, потому что свет легко заметить ночью. Старик, просто скажи правду, хватит ходить вокруг да около!

— Я хотел бы задать вам один вопрос, — Фарид, словно не услышал последних слов директора.

— Ты начинаешь меня утомлять!

— Вот интересно, — продолжил Фарид, не обращая внимания на директора, — исходя из ваших слов я понял, насколько важен стратегически данный склад. Вы правы, я не спорю, да и не имею права спорить, так как ничего не знаю про это. То есть совершенно не имею понятия, о чем вы говорите. Склад, да склад, мне то что!?! Превосходно, но право же! Постойте! Как же так! О боги! Похоже на то, уважаемый господин директор, что вы ни разу не были на своем

стратегически секретном складе. А знаете, почему я пришел к такому выводу? Да потому что вы совсем ничего про него не знаете! Скажите мне, как такой важный объект остался без охраны?! Их там должна быть минимум сотня! Никого! Представляете себе?! Совсем никого! То-то же я говорю, что мне в горло никто не вцепился. Что же это за такой сверхважный склад, где нет охраны, нет ограды в несколько метров высотой и сигнализацией. Нет, виноват, сигнализация все же есть, иначе как вы меня тогда вычислили бы, не правда ли? И, наконец, самый вопиющий факт: вы поручаете везти особо опасного рецидивиста, то есть меня, двум щуплым доходягам, которые сломаются пополам от малейшего дуновения ветерка. Что это за чертовщина, господин директор? Она никак не укладывается у меня в голове. Представьте себе, а если бы я все понял и проломил бы череп этим двум моим охранникам? Да вы бы меня в жизнь не отыскали бы. Исходя из всего мной вышесказанного я хочу задать вам один вопрос: на каком основании вы держите меня тут и отнимаете мое время? Я ничего не украл, незаконного проникновения на ваш объект не было, сигнализация в порядке, все имущество вашего секретного места тоже. Вероятность того, что я шпионил в пользу вашего конкурента равна минус одному. Взгляните на меня — из меня шпион, что из калеки балерина! Посему имею честь откланяться — всего наилучшего!

— Куда это ты намылился, щенок?! — глаза директора налились кровью, в приступе необузданной ярости он под-

скочил к Фариду с поднятыми кулаками. — Я вижу тебе твоя свободная жизнь напустила воздуха в мозги. Ты вообще представляешь себе во что вляпался? Те принципы, по которым ты живешь, остались в тысяча девятьсот давнем году, сейчас это не работает. Да я упеку тебя на всю твою поганую жизнь, ты это понимаешь? Да кто ты такой, чтобы так со мной разговаривать? Ишь ты, какой правильный выискался! Ты отстал от жизни, старик, причем отстал намного. Эй вы, двое, идите-ка сюда!

Вошли Эльчин и Алим и встали рядом с Фаридом. Директор повернулся к ним:

— Ну что за идиотов я держу, — рявкнул он в ярости, — вы бы хоть объяснили этому проходимцу каковы нынешние законы естественного отбора, а то он тут строит из себя мачо какого-то и думает, что ему это сойдет с рук и что я отпущу его, да еще и прощения попрошу.

— Но господин директор, мы думали..., — попытался возразить Эльчин.

— Думать здесь можно только мне, а вы должны исполнять приказы, только и всего! Думали они... Кстати, тебя я припоминаю, а это еще кто такой?

— Это мой друг, мы приехали вместе, вернее...

— Проваливай! Вон из моего офиса! — закричал директор. Алим лишь покачал головой и в спешке вышел из кабинета.

— А тебе последнее предупреждение, ты что не знаешь

наших правил?

— Знаю, господин директор, но ведь без его помощи ничего не получилось бы. Он вел машину всю ночь.

— Мне все равно, чужих здесь быть не должно и точка! Теперь вернемся к этому нищebroду. Послушай, папаша! Я даю тебе последний шанс, просто скажи на кого ты работаешь, и кто послал тебя туда и, может быть, я тебя отпущу. Но учти, что мое терпение на исходе, любое отклонение от темы будет караться по всей моей строгости. Даю тебе три минуты на раздумье. Время пошло!

— Я не из тех, кто берет обратно свои слова! — сказал Фарид усталым голосом. — Мне нечего добавить, я не умею врать. И пусть мои принципы устарели, моя жизнь только начинается. Я исписал предыдущий черновик, теперь я открываю новый. Как сказал классик — человека можно уничтожить, но нельзя победить!

— Ну хорошо, классик! Посмотрим, как ты запоешь через недельку-другую, — директор поднял трубку и закричал, — даю две минуты на подготовку темной комнаты! Без возражений! Сейчас-сейчас! Сказки мне здесь рассказывать надумал? Прохвост! Твоя жизнь в моих руках, от меня еще никто так просто не уходил. И ты не уйдешь! Да я таких как ты пачками перевоспитаваю. Много было героев, которые сломались через пару часов, на коленях вымаливали прощение. Ну что вы там копаетесь три часа? Готово? Отлично! Эй ты! Веди его вниз и смотри, чтобы без фокусов, а то сядешь туда

вместо него!

— Как скажете, господин директор!..

Эльчин взял Фарида за руку и грубым движением вытолкнул из кабинета. Фарид устремил на него полный ненависти взгляд. Они зашагали по темному коридору к лестнице. Фарид прислушался, но не услышал позади шагов директора. Он улучил подходящий момент и наклонился к Эльчину:

— Ты должен меня отпустить! — зашипел Фарид чуть слышно.

— Ты, видимо сошел с ума, дружище! — усмехнулся в ответ Эльчин. — Ты слышал, что он сказал? Если ты сбежишь, то я буду гнить там вместо тебя. А мне это совсем не нужно, у меня семья, и мне нужно их кормить. Поэтому замолчи и делай, что тебе говорят. Ты сам во всем виноват, сказал бы правду, ушел бы спокойно, но нет, ты принялся разыгрывать героя, а ему это совсем не нравится. Я же тебя предупреждал, зачем ты «включил» дурачка? Ты же умный парень, прекрасно знаешь, что к чему, все понимаешь. Не нужно было тебе поступать таким образом. Если бы не твое упрямство, мы сейчас искали бы для тебя жилье.

— Если бы я был умным, то давно сбежал бы от вас. Но ведь нет, я поверил людям, в очередной раз поверил! Я всегда всем верю, я просто не понимаю, как человек может быть продажным лицемером, который предлагает помощь, а потом сдает тебя со всеми потрохами начальству, лишь бы выслужиться. Позорно вы себя повели, ребята, низко и позорно.

но! Не знаю, может быть сейчас жизненные приоритеты поменялись и теперь чествуют лицемеров и негодяев. В таком случае я отказываюсь жить такой жизнью и рядом с такими людьми. Я лучше вернусь к себе в барак и навсегда останусь там, чем буду жить в сборище таких, как ты и твой неразлучный дружок. И вообще, убери от меня свои поганые руки! Как тебя наизнанку не выворачивает, когда ты своих детей этими руками кормишь! — резким движением Фарид выдернул свою руку и зашагал дальше с высоко поднятой головой. Эльчин лишь пожал плечами и продолжил идти рядом с ним. Они спустились в полуподвальное помещение. Свет был здесь очень редким гостем. Эльчин включил фонарь. Справа и слева по коридору Фарид заметил закрытые на увесистый замок двери. Откуда-то из темноты доносились звуки.

— Эй! Стой! Кто идет? — негромко позвал голос в конце коридора.

— Свои! — отозвался Эльчин. — Веду пойманного по приказу господина директора.

— Стой! Говори пароль!

— Какой еще пароль? — недоуменно ответил Эльчин. — Не знаю я никаких паролей, господин директор приказал мне привести пойманного сюда.

— Не подходи! Скажи пароль, а иначе не подходи. У нас оружие!

— Да вы с ума сошли там что ли? — разозлился Эльчин.

— Имя господина директора ничего для вас не значит, как мне кажется. Хорошо, я стою на месте, но учтите, если господин директор придет сюда и увидит, что арестант до сих пор на свободе, то вам не поздоровится, будьте уверены. Преду-
преждаю вас, сегодня он совсем не в духе. Поэтому пропу-
стите нас подобру-поздорову.

— Говорите пароль, уважаемый, а иначе...

— Сумасшедшие дураки! — закричал директор прямо позади Эльчина и Фарида. Оба невольно вздрогнули. — Вы там с ума выжили совсем? Могу организовать для вас поход к врачу, в психиатрическую лечебницу! Проходите, живей. Я тебе сказал вести старика сюда, а ты чего тут вытворяешь? Что за разговоры?

— Но господин директор, у нас требовали пароль, — недоуменно сказал Эльчин, — пригрозили оружием каким-то, поэтому я...

— Поэтому ты идиот! — заключил директор. — Какое оружие? О чем ты? Зачем оно мне, я и сам словно атомная бомба. Короче, так: заводишь старика внутрь, запираешь на замок, ключ держишь у себя, ты за него в ответе. А потом вся компания, все ко мне в кабинет!

Фарид шагнул в темноту. Он заметил двух человек, видимо это они требовали пароль у Эльчина. Они стояли вдоль стены, вытянувшись в струнку. Фарид бросил в их сторону гневный взгляд, хотя понимал, что они ни в чем не виноваты. Эльчин запер дверь и вскоре снаружи все стихло. Несколь-

ко минут Фарид стоял без движения с закрытыми глазами. Тишина властвовала над каждым уголком этого места. Все погрузилось в темноту. Глаза никак не могли привыкнуть к такому положению. Они просили отсрочку, чтобы вернуться к жизни. Даже сон не знал, что делать. Стены отделились, они не хотели мешать привыканию. Но тьма продолжала наступать. Фарид почувствовал, словно входит в портал времени. Он поднял голову и открыл глаза в надежде что-нибудь разглядеть. Но тьма была повсюду. Он воздел руки к небу и произнес чуть слышно:

— Что же это такое? Ты снова бросаешь меня в самое пекло! Неужели недостаточно того, что я пережил. Зачем снова посылать мне испытания? Чем я заслужил такое повышенное внимание к своей персоне? Ты снова исковеркал мою судьбу. Ты требуешь быть сильным, но ведь мои силы небезграничные. Это ты хотя бы понимаешь? Как теперь отсюда выбираться? Этот параноик везде видит заговор против себя и не хочет ничего слышать. С каждым разом задачи становятся все тяжелее. Ты прав, если думаешь, что я сам виноват. Не нужно было слишком доверять этим людям. Представь, они привезли меня прямиком в логово зверя. А какие высокопарные слова говорили о дружбе, чести и достоинстве. Я должен был все предвидеть, должен был почувствовать, что все это неспроста. Но я так не могу, Ты же знаешь. Все беды, которые я пережил, так ничему и не научили. Боже, как же здесь темно! Люди все делают неправильно, им чужды лю-

бые проявления сострадания, их чувства почернели вместе с их душой. Душа, наполненная лишь тьмой, может сотворить очень злые вещи. Я это знаю, но кроме меня, похоже, никто не задумывается о том, как шатко наше положение. Люди делают место для содержания арестантов, но не удосуживаются поставить окно. Разве это справедливо? Меня лишили самого важного — света. Но кому это интересно? Ты же знаешь, меня угнетают такие места. Я начинаю сходить с ума, не могу сосредоточиться. Так у меня ничего не получится. Нужно поискать кровать или стул...

Фарид закрыл глаза, вытянул руки и стал осторожно продвигаться в темноте. Подвал оказался очень просторным помещением. Фарид насчитал 20 шагов от одной стены к другой, но найти что-то похожее на кровать ему не удавалось. Наконец, через несколько минут поиска он наткнулся на железную трубу. «Несомненно, это и есть кровать», подумал Фарид и принялся шарить чуть ниже. Он нащупал скрипящее основание старой солдатской койки. «Хоть бы матрас постелили, черти!» разозлился про себя Фарид, но усталость была сильнее гнева, обессиленный он упал на кровать и сразу же уснул.

Глава 5

— Хоть бы лампочку какую повесили! — недовольно ворча, Эльчин шел в полной темноте по коридору. — Эй! Алим! Ты идешь?

— Иду, иду. И что я вообще тут делаю, не пойму? После того случая я дал себе слово больше не появляться в вашей конторе. Ваш директор — редкостный негодяй. Как таких только Земля носит?

— Ладно тебе, не ворчи. Все директора одинаковые по своей природе. Наш просто чересчур эмоционален, только и всего. К тому же ты сопровождаешь меня, а наша дружба, я думаю, поважнее этих мелочей.

— Чересчур эмоционален? Ты шутишь? Да он сумасшедший невротик. Вот именно из-за нашей дружбы я здесь, заметь — на свой страх и риск. Ведь если он увидит меня еще раз, то нам обоим не поздоровится.

— Думаю, в этот раз я смог бы его убедить. На самом деле он не такой уж и плохой человек, просто у него очень часто бывает плохое настроение. Мне не дает покоя другая мысль: зачем он свалил ответственность за Фарида на меня? Он мог поручить это дело охране, и все.

— Ну, я не знаю, может, это тоже входит в его «плохое настроение»? — предположил Алим.

— Нет, друг мой, тут дело в другом. Мне кажется... Ты

вот что — выбери время и проверь свою машину.

— Машину? Зачем? Неужели ты думаешь, что нас слушали? — Алим в недоумении развел руками.

— Все может быть, все может быть, — повторил Эльчин.

— Ты лучше подумай о том, как будешь смотреть Фариду в глаза. Надеюсь, ты понимаешь, как подло мы поступили по отношению к нему?

— И ты туда же, Алим? Пойми, у нас не было выбора. Не мог я ему сказать всю правду, понимаешь? Ты посмотри на него, он одной левой уложил бы нас обоих. А что потом? Мы бы сейчас с тобой сидели там, в темноте подвала. Да, согласен, мы немного перегнули палку, втерлись в доверие. Ну и что же? Он простой бродяга, Алим, и вел он себя очень странно. Я ничего не собираюсь ему доказывать, а тем более просить прощения.

— Жестокий ты человек, Эльчин. Он ведь не сделал тебе ничего плохого. Мы не должны были так поступать. Я верю, что он честный человек. После того как он отсюда выйдет, мы должны помочь ему найти жилье.

— Не строй из себя жертву! Ты сам поначалу говорил, что он странный. Так что мы вляпались в это дело вдвоем. Я выполнял приказ. Директор не привык церемониться: уволен — и иди на все четыре стороны. А что потом? Философскими беседами детей не прокормишь. Иногда я виню себя, но потом понимаю: если не я, то меня. Это правило естественного отбора. Выживает лишь тот, кто лучше приспособился.

А Фариду просто не повезло. Пусть сидит и дальше рассуждает о своей правильности. Кому она нужна?

— Да, но если он говорил правду, выходит, что он сидит там ни за что.

— По делу или нет меня это совсем не касается. Поймали, посадили — значит, есть за что. Вот, наконец-то дошли. Боже, какая темнота! Посвети, пожалуйста, вот сюда.

Алим включил фонарь, Эльчин открыл окошко и поставил на него поднос с едой.

— Эй! Фарид! Мы принесли тебе еду! Где ты там? — Изнутри слышалось лишь ровное дыхание спящего человека. — Гляди-ка, Алим, а ты переживал! Он спит без задних ног. Ему все равно, лишь бы была крыша над головой да тарелка супа. Фарид, проснись!

— Кто там еще? — недовольно ворча, Фарид проснулся и сел на кровати. — Что вам от меня нужно? Мне больше нечего добавить, так что убирайтесь отсюда!

— Так ты встречаешь старых друзей? — усмехнулся Эльчин.

— У меня никогда не было друзей. Само по себе понятие «друг» — это тебе не баранку крутить. Дружья не предают и не сажают в подвал! — Фарид встал и наощупь пошел к двери.

— Это с какой стороны посмотреть, — улыбнулся Эльчин, светя фонариком в лицо Фариду. Фарид поморщился. После долгой тьмы яркий свет ослепил его. Он подошел к двери и

установился на пришедших.

— Зачем вы пришли? Хотите услышать свежую порцию ругани?

— Шеф назначил меня ответственным за тебя, — ответил Эльчин. — Я пришел проверить, все ли у тебя в порядке. Может, хочешь что-то сказать...

— А этого приволок свечку держать? — захохотал Фарид.

— Зря ты так, Фарид, — отозвался Алим, — мы принесли тебе поесть...

— Принесли? А теперь убирайтесь! Идите докладывайте своему дражайшему шефу, что я шлю вас всех подальше. Уходите! — Фарид схватил поднос и отправился в глубь камеры.

— Ну, как знаешь, — заключил Эльчин и запер окошко.

Фарид жадно набросился на еду. В темноте всё казалось иным. Он почувствовал свежий ветер и обрадовался ему. Насытившись, он улегся на скрипучую кровать и закрыл глаза. Мысли и видения уносили его прочь. Ему казалось, словно он летит на ковре-самолете в сказочную долину. Райский сад был наполнен свежестью солнца и ветра. Весь мир вокруг лучился счастьем. «Этого мне не хватает сейчас», — подумал Фарид.

Ковер сделал несколько кругов над солнечной поляной и развернулся обратно. Фарид не хотел возвращаться. Он собрал последние силы и закричал:

— Я не вернусь туда! Слышите?! Оставьте меня! Я хочу

жить! Зачем вы поместили меня сюда? Кто вы такие?!

Но ковер не желал слушать и преспокойно летел обратно. Вскоре от солнца не осталось и следа. Ветер усилился, ковер бросало из стороны в сторону, и через мгновение он превратился в жесткую старую койку. Фарид проснулся в ледяном поту. Подвал по-прежнему окутывала мгла.

— Мое положение могло быть и хуже, — заключил он после некоторого раздумья. — В конечном итоге я в городе, и крыша над головой не протекает. Но я добьюсь, чтобы сюда провели свет. Мой барак был сущим адом по сравнению с этим подвалом. Люди стали очень странными. Они не верят в правду, но охотно верят в ложь. Если бы я наврал, что состою в тайной организации, меня бы, скорее всего, отпустили быстрее.

Фарид зашагал по подвалу.

— Мне нужно выбраться отсюда. Мой город принял меня, но если долго не встречаться, он снова забудет обо мне. Мои чувства живут сиюминутно, они пишут мой черновик сегодня. Я не боюсь упасть. Нужно лишь дописать страницу и перевернуть ее. Чем сложнее задача, тем сладостнее победа.

Он ходил взад-вперед с высоко поднятой головой, ощущая себя Цезарем в сенате. Вместо сенаторов были стены, слушавшие его с молчаливой отрешенностью. Фарид горделиво декламировал, воодушевившись тишиной. Мысли отчетливо светились в темноте. Он сел на кровать и прошептал:

— Вот видишь, даже мои мысли поддерживают меня. Это ли не чудо? Я знаю, что Ты не оставишь меня в покое, но это задание я уже решил. Завтра я пересеку финишную черту...

Дверь со скрипом открылась. На пороге стояли Эльчин и Алим.

— Товарищ арестованный, встаньте, — скомандовал Эльчин.

— Вам, я вижу, больше нечем заняться, — огрызнулся Фарид. — Кстати, Алим, здорово он выгнал тебя в прошлый раз, ты был похож на утюг. Видимо, тебе этого было мало, раз ты опять приперся.

— Не паясничай, Фарид, — ответил Алим. — Я лишь помогаю Эльчину. У человека не может быть плохого настроения? Об этом в офисе уже легенды ходят. Оставь свои шутки при себе.

— Конечно, тебе виднее, — язвительно сказал Фарид. — Решил сменить род занятий и тоже стать негодяем? Говорят, подонкам сейчас хорошо платят.

— Ты уже переходишь границы! — Алим хотел наброситься на Фариду, но Эльчин его остановил.

— Оставь его! Он специально разыгрывает комедию. Вставай, Фарид! Живо! Тебя хочет допросить господин директор. Руки за спину, и без фокусов!

Они вышли из подвала. Фарид чувствовал, что сегодня он победит. Он прокручивал в голове варианты, вспоминая свет своих мыслей. Улыбка застыла на его губах.

— Можно войти, господин директор? — Эльчин осторожно постучался.

— Что такое? У вас что, работы нет?

— Я привел пойманного старика, господин директор, вы сами...

— Давай его сюда! — закричал директор.

Фарид вошел в кабинет. Глаза болели от яркого света. Директор резким движением поднялся со своего кресла, подошел вплотную, но, заглянув Фариду в глаза, тут же отвел взгляд. Фарид незаметно усмехнулся. Директор жестом приказал Эльчину и Алиму уйти, при этом он злобно покосился на Алима. Когда дверь закрылась, он принял неестественную позу и злобно ткнул пальцем в сторону Фариды:

— Кто ты такой, старик?

— Я вам в прошлую нашу встречу все рассказал, — невозмутимым голосом ответил Фарид, удерживая зрительный контакт.

— У меня кроме тебя есть очень много других дел, я не обязан запоминать всякой глупости, напомни! — скомандовал директор.

— Меня зовут Фарид, мне 34 года.

— Ты неплохо сохранился для тридцатичетырехлетнего старика! — захохотал директор.

— Я это прекрасно знаю и всегда себе об этом говорю, как только остаюсь один.

— Да неужели? Хватит нести чушь! Догадываешься, за-

чем тебя привели?

— Вы хотели поговорить по душам и отпустить меня? — съязвил Фарид.

— Я не говорил тебе, что ты сумасшедший, старик? По каким таким душам я буду с тобой говорить?! Ты совсем ополумел в своей каморке, бомж?! Да кто ты такой, чтобы надо мной издеваться?! Я ведь сгною тебя здесь, и никто никогда об этом не узнает! Рассказывай всё, а потом иди на все четыре стороны. Твое содержание обходится мне чересчур дорого.

— Значит, я могу идти? — Фарид картинно повернулся к двери.

— Ты снова вздумал издеваться надо мной, старик?! — директор подскочил к двери. — Назови имена своих заказчиков! Кто послал тебя к складу?

— Мне, правда, нечего сказать, я оказался там совершенно случайно... Я искал ночлег, было холодно и темно, я потерял дорогу домой, в Баку. Я шел в Баку пешком, представляете?

— Мне наплевать, куда ты шел и зачем! Ты нагло лжешь! Мне это надоело! Эй, вы двое! Живо сюда! — директор побагровел от ярости. Вошли Эльчин и Алим. — Уведите этого обратно! Живо! Снизить пропитание до одного раза в день! Не начнет давать показания — морите голодом! Давайте стакан воды раз в день! Развели мне тут балаган! Твое упрямство не доведет тебя до добра, старик! Чем раньше ты во

всем признаешься, тем лучше. Если, конечно, тебе важна твоя никчемная жизнь!

— Вы не имеете права держать меня тут! — закричал Фарид. — Без суда и следствия посадили, это противозаконно! Я буду жаловаться...

— Замолчи, старик! Просто замолчи! Иди и жалуйся куда хочешь! Я здесь царь, бог и сатана! Здесь всё моё! Еще не факт, что ты отсюда выйдешь! Назови мне имена твоих хозяев! Ты должен их назвать! Имена! — кричал директор с пеной у рта.

— Я ничего не должен, потому что ничего не знаю. Отпустите меня, и обещаю, что я просто забуду о вас.

— Все, уведите этого сумасшедшего! Я не желаю слушать этот бред! — директор упал в свое кресло и отвернулся.

Эльчин подошел к столу директора и наклонился к его уху:

— Если позволите, господин директор, у меня есть маленькое предложение. Мне кажется, будет целесообразно его отпустить. Если у него есть покровители, они уже давным-давно его ищут. А если они каким-то образом узнают, что мы его взяли и держим здесь, то у нас могут возникнуть проблемы большего масштаба. Я предлагаю отпустить его. Мы найдем для него жилье, и одновременно будем следить. Я думаю, если за ним кто-то стоит, то мы обязательно на них выйдем. А если он говорит правду, то мы просто избавимся от него позже. Ведь, как вы заметили, его содержание обхо-

дится дорого.

— Хорошо, допустим. Что ты имел в виду под словом «избавиться»? Я не собираюсь физически его устранять, ты что с ума сошел? — директор испуганно округлил глаза, мгновенно теряя свой грозный вид.

— Нет-нет, господин директор, ни в коем случае. Я лишь хочу сказать, что он мелкая сошка и не стоит ваших нервов.

— Хорошо, я согласен. Даю вам срок две недели. Будете докладывать каждый день.

Они вышли из кабинета и направились вниз к подвалу.

— Я ожидал, что ты поцелуешь его руку, — усмехнулся Фарид.

— Ты прекрасно знаешь, что я никак не реагирую на твои шуточки, — парировал Эльчин. — Ты, вообще-то должен меня благодарить. Я добился твоего освобождения. Я устроил это его же оружием, сославшись на то, что тебя слишком дорого содержать тут.

— Подожди... ты хочешь сказать, что я теперь свободен? — Фарид спросил это, замедляя шаг. Внутри него всё кричало о подвохе. Он видел, как Эльчин избегает прямого взгляда. «Свобода? — подумал Фарид. — Нет, вы просто перенесли камеру из подвала в город. Но раз вы играете спектакль, я буду вашим лучшим актером».

— Да, свободен. Но сейчас нужно вернуться в подвал, нам с Алимом надо закончить дела, а потом мы поищем для тебя жилье.

— Спасибо, конечно, но мне от вас ничего не нужно. Дальше наши пути должны разойтись.

— Видишь, какая штука происходит, Алим, — сказал Эльчин. — Ты спасаешь человека от гибели, а он говорит: «с меня хватит». Послушай, Фарид, я хочу объясниться. Ты всё неправильно понимаешь! У нас не было другого выбора. Мы возвращались из командировки по другой дороге. Внезапно с нами связалась служба безопасности и сообщила о непонятном движении рядом с воротами склада. Процедура у нас такова, что мы просто не можем сослаться на то, что нам не по пути, потому что все наши движения отслеживаются. Мы сделали крюк, чтобы добраться до этого склада, и обнаружили тебя там. Директор узнал о происшествии и приказал везти тебя в Баку. То есть то, что ты называешь сначала помощью, а потом предательством — этого не было! У нас был приказ. При любом отклонении нас бы заподозрили в сговоре. Ну не мог же я тебе в машине сказать, что мы везем тебя на допрос? Мы подозреваем, что в машине прослушка!

— Верно, — медленно ответил Фарид, делая вид, что его броня дала трещину. — Но можно было намекнуть... Ладно, Эльчин. Если всё действительно так, то я, возможно, погорячился. Привычка терпеть такого деспота ради каких-то поощрений и льгот мне всё равно не ясна, но твое «спасение» я принимаю. Везите меня в город. Посмотрим, что из этого выйдет.

Эльчин вздохнул с облегчением, вытирая пот. Ему каза-

лось, что он виртуозно разыграл карту «заложника системы» и Фарид снова у него на крючке. Алим лишь молча следовал за ними, пряча глаза в темноте коридора. Он с трудом сдерживал себя, чтобы не признаться во лжи, но страх перед будущим был сильнее остатков совести.

Глава 6

Темный подвал перестал казаться ужасающим местом. Фарид, словно ребенок, которому купили долгожданный подарок, радовался своему скорейшему освобождению. Он почувствовал, как тепло заполняет весь подвал, чувства вырвались из души и затеяли пляску на стенах, создавая причудливые формы. Ожидание скорого чуда оттеснило горечь поражений на второй план. Фарид потерял чувство реальности. Ему казалось, будто он плывет на маленьком корабле к берегу желаний. Все было словно в сказке. Откуда ни возьмись появились странные существа и закружили его в беспорядочном восхищении окружающим. Тихая мелодия осени превратилась в бурную песню. Фарид торжествовал. Все тело поддалось сладкому чувству свободы. Оно повторяло вновь и вновь: «Я победил! Я снова победил!»

Через некоторое время Фарид услышал шаги, и дверь открылась. На пороге стояли Эльчин и Алим.

— Собирайся, нам пора! — сказал Алим.

— Я свободен? — спросил Фарид, еще не до конца веря в свое освобождение.

— Да, сейчас мы займемся жильем для тебя, — ответил Эльчин. — По дороге мы присмотрели несколько мест. Выберешь то, что тебе больше всего по душе.

Они поднялись наверх и прошли по коридору. Фарид уди-

вился, что вокруг стояла полная тишина.

— А куда все подевались, почему так тихо? — спросил он.

— Утром директор был вне себя, — ответил Эльчин, смеясь. — Он разгневался из-за пустяка и всех уволил, даже себя. Кричал, что ноги его больше не будет на этой помойке, что он устал нянчиться со всеми. Пришлось всему офису быстро ретироваться, а иначе не избежать беды. Завтра он поручит секретарше обзвонить всех и потребует, чтобы через полчаса все были в офисе. Тут такое часто происходит, мы уже привыкли.

Фарид шел следом, глядя в затылок Эльчину, и внутри него шевелилось холодное презрение. «Как же легко ты смеешься, — думал он. — Ты привык к этому самодурству, ты выпитал его. Ты из тех людей, Эльчин, которые будут покорно ждать в приемной, пока их поливают грязью, лишь бы в конце месяца капнула зарплата. Ты продал право быть человеком за комфорт и страх. И сейчас ты ведешь меня, якобы спасая, но на самом деле ты просто выполняешь очередной заказ своего безумного хозяина. Ты — удобный инструмент, послушный и бесхребетный».

— Вы обладаете недюжинным терпением, друзья, раз все это терпите, — произнес Фарид вслух.

— Человек — очень странное существо. Ради каких-то бумажек мы готовы перегрызть друг другу глотку, — задумчиво произнес Алим. — Я бы хотел пожить во времена, когда самым важным было просто прокормиться.

— Тебя унесло слишком далеко, — засмеялся Эльчин. — Пришлось бы вернуться во времена охотников-собирателей.

— Это ли не прекрасно, Эльчин? — отозвался Фарид. — Тогда всё было иначе. Я часто думал о том, какой была наша планета, когда не было людей. Мы неблагодарные существа, мы причиняем боль месту, которое нас приютило. Мы уничтожаем всё с невероятной скоростью. Вот если бы старушка Земля об этом знала, она никогда бы не разрешила нам править ею. Произошло восстание машин, и мы уничтожили все остальные виды людей, чтобы единолично владеть миром. Откуда в нас столько алчности?

— Твои вопросы не имеют ответа, — сказал Эльчин. — Но я верю, что современному человеку под силу изменить ход истории. И пусть мы разграбили планету — это всё временно. Я свято верю, что наши дети будут жить в совершенно другой эпохе, а мы будем смотреть на них с неба и радоваться!

— Я не могу думать так далеко вперед, — сказал Фарид. — Для меня важно настоящее, эта минута. Будущее всего лишь иллюзия. Никто не знает, что нас ждет. Может случиться так, что через пять минут на планету упадет метеорит и уничтожит всех.

Они вышли на улицу. Фарид жадно глотнул влажный воздух. Перед тем как сесть в машину, он на секунду замер и оглянулся на серое здание офиса. Он запечатлел в памяти каждую трещину на этом фасаде, каждый блик в окнах ка-

бинета Директора. Этот памятник человеческой низости теперь навсегда останется в его личном списке мест, куда нельзя возвращаться. «Прощай, — прошептал он едва слышно. — Ты хотел сломать меня, но стал лишь еще одной страницей в моем черновике».

Они сели в машину и поехали по городу.

— Нужно быть оптимистами, — засмеялся Алим. — Достаточно того, что мы живы. Вот, кстати, достаточно симпатичный дом. Смотри, Эльчин!

Дом выглядел удручающе, как потерявшийся ребенок. Здание было аварийным, центральный вход завален арматурой. Фарид не обращал внимания на детали — ему понравилось, что дом пустой и стоит на тихой улочке.

— Тут должен быть другой вход, — суетился Эльчин. — Фарид, так даже лучше. Никто не посмеет сюда сунуться, а вход будем знать только мы. Будешь как в неприступной крепости.

Они нашли дыру в стене и поднялись на третий этаж. Квартира была почти разрушена, но в ней сохранилась входная дверь.

— Ну как тебе хоромы? — шутил Эльчин. — Гляди, какой раритет я нашел! — Он втащил огромное кресло. — Наверняка какой-нибудь Александр Македонский на нем восседал.

— Я не думаю, что у Александра был трон, он же всю жизнь воевал, — возразил Фарид.

— Конечно был! Как такому великому человеку и без тро-
на? Вот только что дало ему его величие? Конец-то всегда
один!

— Конец у всех один, просто разные варианты, — фило-
софски заметил Фарид. — Он остался в истории. А нас могут
похоронить и забыть на следующий день. Почему его пом-
нят, а моего прадеда нет?

— Он историческая личность и умер нестандартно, —
отозвался Алим, притащив светильник. — Такая смерть за-
хватывающая и интересная. А скончаться через месяц после
того, как слег в постель вообще никого не привлекает.

Они растопили камин досками. Тепло начало заполнять
комнату.

— Мне вполне хватит света от камина, — сказал Фарид
смущенно. — Я не хочу, чтобы меня обнаружили. Хочу стать
Робинзоном в городе. Мне пока сложно идти на контакт с
людьми.

— Тебе, наоборот, нужно больше гулять, — сказал Эль-
чин. — Людям всё равно, кто ты и откуда.

— Согласен, но мой вид... — Фарид коснулся своей бо-
роды.

— Об этом не беспокойся, — ответил Алим. — У меня
есть всё необходимое. Завтра от твоего облика бродяги не
останется и следа. Сделаем стрижку по последней моде, род-
ная мать не узнает. И вот тогда ты сможешь совершенно спо-
койно выйти в свет.

— Вернее, вернуться туда, — добавил Эльчин, и все трое захохотали.

Когда они ушли, Фарид остался один в кресле у камина. На глазах выступили слезы радости, но вскоре они высохли, уступив место тяжелым раздумьям.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — прошептал он. — Подумать только, я вернулся. Но как-то всё это странно. Слишком неправдоподобно. Тот чертов идиот не соглашался меня выпускать, и вдруг — такая милость. Что послужило причиной? Это все неспроста. Ясно одно: долго и счастливо я здесь жить не буду.

Он расправил бороду и глубже вжался в кресло. Голос его в пустой комнате звучал глухо, но отчетливо:

— Хотя в моем понимании счастье — вещь относительная. Как быть людям, обреченным на вечную муку? Они просто плывут по течению в современности отчаяния. Граница реальности для них — это их собственная жизнь. Где она? Исчезла за поворотом, умерла от эпидемии. Что делать? Спрятаться в логово? Но как тогда жить? И что есть страх для такого, как я? Я вернулся в город, где меня никто не ждет. Меня сопровождают два непонятных, двуличных человека. Они правы: я верю людям без разбору. Но ясно, что они что-то замышляют. Они думают, что я наивный старик, который будет лизать им руки за огонь в камине. Говорун и молчун... Лицемер и доходяга. Они создали вокруг меня красивую тюрьму, глянцевую обложку пошлого журнала. Но

внутри этой клетки сижу я, и я все вижу.

Фарид замолчал, глядя на тени.

— Я запросто обедаю их вокруг пальца. Конечно, у меня был выбор, но он оставил бы меня в подземелье навсегда. Долго и счастливо... Не хочу возвращать прошлое, но без него никак. Вот моя реальность: кресло ручной работы, вид на руины, ужас позади. Никто не знает, где заканчивается относительность и начинается истина. Представь себе, что скоро всё разрешится, и эти двое исчезнут навсегда. Не верится...

Разум восстает против такой жизни. Я связан по рукам и ногам в собственном доме. Главное, чтобы его не снесли раньше времени. Кто сказал, что я несчастлив? Мое состояние всегда было подавленным. Теперь я совсем один в этой сказке под названием «жизнь». Кромешная тьма ворвалась во все расщелины. Я вижу пресловутый свет в конце тоннеля, но он не приносит ничего, кроме бессмысленных ожиданий. Я не хочу идти на свет, потому что знаю: там меня ожидает конец. Лучше остаться во тьме, из нее лучше видно, что происходит со светом.

Это затишье совсем не конец моей истории. Это лишь пауза перед настоящим боем. Пусть они придут завтра со своими «дружескими» улыбками и ножницами. Я предоставляю им удовольствие верить в их победу. Пока зима не вступила в свои права, у меня есть время всё исправить. Мои улочки скроют меня от их слезки. Завтра я выйду в этот продрог-

ший город не как спасенный, а как тот, кто вернулся за своим.

Кто мне поможет, кроме меня самого? Может, я драматизирую? Но кто эти двое? Они хотят держать всё в своих руках. Наивные! Зима еще не в правах, небо не покрылось пеленой, время есть. Грустно смотреть на поникшие деревья, ожидающие ветра. Они безжалостны. Но меня скроют знакомые улочки. Они будут жить всегда, какой бы облик ни принял город. Эти улочки навсегда в моем сердце.

Мысли продолжали сочиться из души. Фарид словно сросся с креслом, отгоняя сон. Он боялся, что всё это улетучится утром. Огоньки ласкали его, рисуя причудливые картины на стенах и потолке. Они были всеильны перед судьбой, но бессильны перед тлением. Всё кончилось стремительно. Но Фарид не заметил этого. Он сдался чарам Морфея и уснул с улыбкой на губах, крепко сжав кулак — на всякий случай.

Глава 7

— Ну вот, — обиженно сказал Эльчин и положил с грустной улыбкой ножницы и расческу на комод с зеркалом, наскоро переделанный под трюмо, — я тут, понимаете, хвалю его с утроенной силой, дифирамбы пою, словно римскому императору, а он меня даже не слышит, задумался и молчит. В чем дело, философ? Какие мысли пришли в твою прекрасную, светлую голову? Почему от тебя пахнет грустью? Твои волосы пропитаны насквозь непонятной тоской. Поведай нам, о мудрейший, и тогда, возможно, мы найдем лекарство?

— Не знаю, — ответил Фарид в нерешительности, — просто задумался и все. Никогда не думал о том, что мои мысли могут быть кому-то интересны. Я выгляжу глупо, не правда ли?

— Нет, о мудрейший из мыслителей, — рассмеялся Эльчин, — это я выгляжу глупо, когда представляю себя со стороны, хвалящим потолок. Осталось совсем немного, еще чуть-чуть подправим здесь и здесь, и будет отлично.

Фарид не услышал его слов. Он погрузился в свои мысли и лишь несколько раз встретился глазами с Алимом, который сидел в кресле и с упоением рассматривал причудливую фигуру на потолке. Фарид не забыл про свои опасения и открытия, сделанные прошлой ночью, поэтому старался ни-

чего не говорить и вообще выглядел очень подозрительно. Внутри него шла тихая работа: он выстраивал стену между собой и этими людьми, превращая свою апатию в щит. Он чувствовал, как с каждым срезанным локоном его прошлое осыпается на пол, но первобытный страх оставался и Фарид ощущал его, как чувствовал запах дешевого одеколона Эльчина.

Эльчин закончил работу и с ловкостью повернул Фариду к зеркалу:

— Ты только взгляни на этот шедевр! Алим мы вполне можем открыть свой парикмахерский салон.

— Да уж, — рассмеялся Алим, — дополнительный доход нам не помешает.

— Да что ты понимаешь?! — в сердцах воскликнул Эльчин. — Что скажешь по этому поводу, Фарид? Нравится тебе твоя новая прическа?

— Довольно-таки неплохо, — сухо ответил Фарид и быстро опустил взгляд. Лицо по ту сторону зеркала казалось чужим и неприветливым. Оно было слишком гладким, слишком «правильным». Этот человек в отражении мог быть кем угодно, но Фарид его не знал.

— Вот видишь, парикмахер, — с усмешкой в голосе сказал Алим, — Фариду тоже не понравилось. Зря ты так расхваливал свое мастерство. Лучше было бы оставить бороду, да и волосы слишком коротко сделал. Посмотри, как ты его изуродовал.

— Да, но ведь я старался, — с горечью в голосе произнес Эльчин, — я всегда стригу себя сам. Извини, Фарид, я думал тебе понравится.

— Все хорошо, не бери в голову. Гораздо лучше того, что было раньше. Это с непривычки я так. Мне неловко смотреть на себя в зеркало, только и всего. Если подправить немного по бокам, получится отлично.

— Не нужно меня успокаивать, я знаю, что получилось отвратительно.

— Но ведь это ничего не меняет, — равнодушно сказал Фарид, — меня все равно никто не узнает в городе, будь я с бородой и длинными волосами, или без них. Конечно, на меня больше будут пялиться, если бы ты оставил все без изменений. Так даже лучше, теперь я стал одним из многих. Ничем не привлекательный, обычный, молодой старик, в общем. Моя внешность волнует меня меньше всего.

— Но почему? Ты совсем еще не старик, но почему-то стараешься подчеркнуть того, чего нет на самом деле! — с досадой вскричал Эльчин.

— Что-то мне подсказывает, что я должен поступать именно так, ребята, — ответил Фарид. Он понимал, к чему клонит разговор Эльчин, но старался выглядеть спокойно и непринужденно. Эльчин изрядно нервничал, задавал неподходящие вопросы, словно старался узнать какую-то тайну, известную лишь ему. Фарид продолжал делать вид, что ничего не понимает, хотя каждое движение его «надзирателей»

было для него прозрачным. В конце концов, он согласился с Эльчином и пообещал, что сегодня же вечером выйдет на короткую прогулку недалеко от дома. Эльчин несказанно обрадовался такому повороту и сразу же сообщил об этом Директору. Он считал, что победил. Директор же приказал не спускать с объекта глаз, пригрозив, что при провале операции посадит Эльчина в камеру вместе с его молчаливым дружкой. Эльчину стоило немалых трудов уговорить Алима продолжать слежку. Алим понимал, что Фарид водит их за нос, но Эльчин уже летел на крыльях своего мнимого превосходства, воображая себя первым заместителем и вершителем судеб. Алим пропускал половину слов мимо ушей, он устал от постоянной болтовни, нервничал и больше Эльчина желал скорейшего конца этой запутанной истории. Но все доводы против Фариды тут же оспаривались Эльчином. Он свято верил в свою навязчивую идею и вечером, после того как они покинули квартиру, не преминул напомнить Алиму в тысячный раз о важности предстоящего дела, о своей важности и о скорой победе. Алим лишь улыбнулся в ответ, чем привел Эльчина в бешенство, граничащее с сумасшествием.

— Ты ничего не смыслишь в делах подобного рода, приятель, — заключил Эльчин, — а вот у меня есть огромный опыт в проведении таких операций, иначе господин директор ни за что и никогда не поручил бы мне такого важного дела. Ты знаешь его не хуже меня, он никогда ничего не поручает дилетантам. Ты что же думаешь, что он просто так

меня выбрал?

— Да, я в этом совершенно уверен, Эльчин, — для таких дел достаточно быть дурачком вроде тебя и меня. Ты-то понятно, хочешь выслужиться и получить прибавку, а вот я? Зачем я ввязался в эту кутерьму?

— Ты начинаешь меня разочаровывать, Алим, — упорно повторял Эльчин, — наша дружба важнее всего, не забыл? Если забыл, я могу напомнить через что мы прошли вместе, из каких передраг выбирались. Ты хочешь сказать, что какой-то выживший из ума бомж может поколебать то, что строилось годами? Мы поймаем его с поличным сегодня же вечером, можешь в этом не сомневаться. Из премии, которую мне выпишет господин директор я отдам тебе ровно половину. Клянусь честью! Для меня это уже решенный вопрос. Мы обязательно доведем начатое до конца. Ты мне веришь?

— Тебе я верю, а вот этому выжившему из ума, как ты выразился, бомжу я не верю от слова совсем. Он водит нас за нос, пойми же ты это наконец! Почему мы должны ждать его на холоде, что нам это даст? Не знаешь?! Тогда я отвечу за тебя! Нам не перепадет ничего, кроме разочарования! Он никому не нужен, никто не выйдет с ним на связь...

— Выйдет! Я абсолютно в этом уверен!

— Ты меня утомил, Эльчин. В твоём рьяном порыве я начинаю думать, что ты в конец сошел с ума. Что случилось? Раньше ты был другим, а теперь вдруг у тебя появилась на-

вязчивая идея разоблачить этого человека. Зачем? Я уверен, что и имя у него выдуманное, и вообще, он очень странный. Но какой смысл мне это доказывать? Ты возомнил себя сыщиком, что ж, пускай так и будет.

— Раньше, раньше! Что ты заладил, словно испорченный патефон?! Он обязательно выйдет из дома сегодня же вечером, и тогда мы все узнаем.

— А если не выйдет, что тогда? Что ты скажешь своему дражайшему директору? Если все пойдет не так, как ты задумал, то он посадит тебя в тот подвал, ты не забыл? Предупреждаю, Эльчин: если вдруг он захочет сделать что-то и мне вместе с тобой, я не стану церемониться и просто сдам его в полицию. Надеюсь, ты меня понял? Дружба дружбой, но такой каши мне не нужно, это не моя игра, я и пальцем не пошевелю. С меня довольно, брат! Я жду здесь еще полтора часа, если он не появится, я уйду, и больше меня не ищи. Надеюсь, я понятно выражаюсь...

— Куда уж понятнее, ты бросаешь друга в беде. Не такого я ожидал, не так бы я поступил, будь у тебя такие проблемы, — Эльчин вздохнул и замолчал. Алим на миг стало жаль друга, но он не показал виду. Он отвернулся и отошел подальше.

Прошло полтора часа, сумерки сгустились, и холодная ночь вступила в свои права, окутывая верхушки деревьев зимним одеялом. Одинокое небо грустно глядело в глаза ночи, не понимая, что от него ждут этой зимой. Оно сгусти-

лось черными тучами, готовыми в любой момент обрушить на землю потоки слез. Друзья продрогли, но не подавали виду. Эльчин нервно жевал одну за другой сигарету, Алим беспомощно уставился в черное небо, словно ища у него поддержки от буйства зимней ночи. Наконец, Алим не выдержал и подошел к Эльчину. Он показал на часы и тихим голосом произнес:

— Прошло полтора часа, детектив! Ну и где он?

— Я... Я не знаю, — обрывающимся голосом ответил Эльчин, — он уже давно должен был выйти. Не пойму, что там у него происходит. Может, поднимемся наверх?

— Ты совсем из ума выжил? Еще и унижаться перед ним? Как можно быть таким упрямым ослом?

— Еще полчаса, ждем полчаса и все!

— Что все?! Ему наплевать на все, что происходит в жизни, почему до тебя это никак не дойдет, Эльчин? Он усталый придурок, готовый умереть прямо сейчас, у него нет ничего, никаких ценностей, кроме веры в черт знает что. Неужели ты думаешь, что он на кого-то работает и что он оказался там не случайно? Я тебе вот что скажу, но только ты не обижайся: кроме тебя, идиота, и твоего дражайшего директора, тоже, кстати, идиота никто и никогда не поверит в этот бред. Ты превратился в жалкое посмешище, друг мой! Плевал твой директор на тебя! До каких пор ты будешь так унижаться? Я твой друг и мне больно смотреть, как ты стал заложником несбыточных надежд и глупых мечтаний.

Эльчин ничего не ответил. Он не хотел признавать крах своей великолепно продуманной операции и лишь сокрушался немым упреком по поводу невыполненного Фаридом обещания.

Фарид тем временем сидел перед зеркалом, погруженный в тяжелое оцепенение. Он не мог свыкнуться с мыслью, что этот незнакомец в зеркале и есть он сам. Захмелевшее зеркало подверглось жестокому испытанию временем, предлагая лишь смазанное изображение. Фарид напрочь забыл о данном обещании. Жизнь вернулась в барак и долго держала его там взаперти. Он не мог пошевелиться, словно зеркало сковало его в огромной темнице под открытым потолком неба. Земля уплывала из-под ног. Такого быстрого поражения Фарид не ожидал. В его взгляде появилась доля сомнения. Ошибку признать было невозможно потому что ее не существовало. Город слился воедино с ночью. Тюрма казалась самым легким наказанием за расточительство жизни. Везде, где луч света мог проникнуть в логово, высилась стена, и каждый её кирпич выглядел по-своему грустно. Кто мог это проверить? Ответа не было. Мысли затихли, а душа превратилась в пену морских волн.

Зеркало оставалось невозмутимым храмом спокойствия и веры в прошлое. Возвращаться туда не хотелось. В бесславном исступлении Фарид воздел руки к небу. Внезапно из самого сердца города донесся странный звук. Он манил сильнее Сирен, отчетливо отдаваясь в прибое. Время в его гор-

деливом понимании перестало существовать. Все замерло в предвкушении необъяснимого — это чувствовалось всеми фибрами усталой грустью души.

— Я так истосковался по этому звуку, — прошептал Фарид, словно просыпаясь после летаргического сна. — Воображение уже рисует картины прошлого. Зачем мне возвращаться назад? Почему ты так настаиваешь? Прошное должно умирать быстро. Нет смысла его помнить, но еще бессмысленнее стараться восстановить. За что мне просить прощения у самого себя? Где я допустил ошибку? Никто не знает правды, никому она не интересна, кроме меня. Как бы то ни было, город ждет. Мне обязательно нужно встретиться с ним. Ведь я заслужил, не так ли? Пройтись по волнам памяти под парусом из грез, вне всякого сомнения, прекрасная затея!

Он продолжал говорить сам с собой, упиваясь звуком собственного голоса в пустой комнате:

— Кто знает, что будет завтра. Сегодняшний день и есть последний, во всяком случае, для меня. Мы с городом заодно: я его гордость, а он мое спасение. Я не заслуживаю прощения. Нужно бежать! Представляю, как он обрадуется, увидев меня. Пора! Пора! Неважно, что было раньше, важно что будет сейчас. Душу переполняют прекрасные чувства. Это наваждение слишком правдиво, чтобы быть правдой. Руки, словно крылья ангела, рвутся на свободу! Красивая сказка про самого счастливого человека на земле. Я дома, я богат!

Голос его становился всё более взволнованным:

— Все трудности отступили. Я сам прорвался через этот частокол! Жил неправильно, но теперь, после стольких мучений, всё встанет на свои места. Приближение чего-то великолепного — вот он, единственный миг, ради которого стоило ждать. Самое лучшее время в жизни, чтобы вернуться! Говорят, зимнее солнце не греет. Сегодня оно взошло только для меня. Я хозяин своего счастья, весь мир существует лишь для меня одного. Каким же был идиотом! Как часто упивался гордостью во вред рассудку. Представлял себя на вершине горы с короной на голове. Что получилось в итоге? Вся жизнь похожа на обрывок черновика. Бесцельно я бродил среди обрывков и страниц, не зная, чем себя занять. Бывает так в тщете мечтаний, когда на миг проснешься стариком. Пусть даже мне совсем немного лет, я прожил так не одно десятилетие. Сдавал в багаж одну неделю за другой, представ перед судьбой в обличии кардинала. Но мантия не принесла мне облегчения, я стал притворщиком без грез. Тогда осталась жизнь во мне без цели сожаления, осталась смерть в подобии другом. Святой отец ждал, что я вернусь в себя, поработенный страхом, но я пошел за надеждой. Когда пришла пора прощаться, надежда стала вдруг другой и превратилась в сущий ад. Красота ускользала из-под рук. Я проскользнул в другое измерение. Такое одиночество мне ни к чему! Кривая линия восстала против послушания.

Фарид замолчал на мгновение, вглядываясь в темноту за

ОКНОМ:

— Дикие звери купаются в лучах зимнего солнца. Мое одиночество приносит веру, но мне она не нужна. У шута не может быть много обличей. Рано или поздно они упадут под натиском всемогущей правды. Но какую роль они отведут обычному человеку? Ты можешь его убить, но победить никогда! Вся роскошь бытия дает свободу от пристрастий. Что есть свобода? Она неосязаема, одиночество не может взять над ней верх. Крепись, человек, ты на верном пути. Оставайся собой, и твоя победа не заставит себя долго ждать. Свобода лишь привидение. Представь себе ее, почувствуй разницу и узнай, что она значит для тебя. В конечном итоге ты многого не поймешь. Извечные вопросы так и останутся с тобой до конца жизни. Не преувеличивай своей значимости, ведь ты всего лишь пешка в какой-то партии и, в конце концов, тебя уберут с дистанции. Мысли и чувства неосязаемы, осязаемость данной секунды проявляется в набросках картины времени.

Он встал, чувствуя прилив странной, болезненной силы:

— Происходящее со мной давно потеряло веру в благополучный исход. Помощи ждать неоткуда: впереди лишь неизвестность, позади лишь мираж. Кто я в своем одиночестве? Размытая картина, не более того. Вся жизнь скомкана и исковеркана назойливым бродягой по имени Время. Мы не властны над ним, нам просто хочется жить. Радость восставшего из мертвых не ценится «высокой культурой». Ты сам

волен решать, куда пойти сегодня вечером. Можешь остаться дома. Дом это так необычно... Море останется лишь оттенком в далеком будущем. Прости меня, мое прошлое. Я хочу уйти навсегда, но не знаю как. Право же, судьба выбрала мне в помощники «выдающихся» людей! Они не умеют ничего, кроме бахвальства и нытья. Скажи им, что я в них не нуждаюсь! Остановись, мир, ты летишь вперед слишком быстро. Вчерашние дети превратились в немощных стариков. Как тебе не стыдно? Ты заставляешь страдать неповинных людей. Моя одежда скоро станет никчемной, как и мое тело, но характер... характер мечтает остаться молодым. А как же великое провидение? Куда оно исчезло? Твой океан страсти высох. Время никого не ждет: запомни это и не делай больше бессмысленных выводов о своей «старческой натуре». Кто послал меня в этот барак и какова моя миссия? Кто поведает правду? Пока всё слишком темно, но кто знает, что будет завтра... Скажи же мне, кто я? Поведай тайну, а дальше я сам разберусь. А сейчас я тороплюсь на встречу, которую ждал так долго. Прощай!

Погруженный в эти мысли, Фарид наспех надел свой балахон и, стараясь не шуметь, спустился вниз. Город кипел вечерней жизнью, купаясь в витринах дорогих магазинов. Фарид бродил и не узнавал ничего, он словно заново знакомился со старым другом. Он не заметил, как по пятам шли два «друга». Эльчин был на седьмом небе от счастья. Он шел с видом победителя своей дуэли с Алимом.

Прохожие не обращали на Фарида никакого внимания, спеша по своим делам. Старые переулки сменялись ново построенными зданиями, тихие улочки жили рядом с огромными проспектами. Фарид дошел до Старого Города и погрузился в пучину Крепостных Стен. «Здесь меня никто не найдет», подумал он. Душа Баку открывалась ему снова и снова.

— Боже мой! Сколько времени меня здесь не было! — прошептал Фарид. — Твоя история начинается заново. Я хочу признаться тебе: пусть даже пройдет тысяча лет, я все равно буду повторять тебе о моей страсти. Девичья Башня была, есть и будет после нас. Позволь мне увидеть ее... взглянуть и пойти дальше, к моему морю.

Он встретился с Башней в оцепенении. Буря эмоций пронеслась в сердце. Затем он услышал знакомый запах моря и устремился на бульвар. Он бежал, как сумасшедший, привлекая взоры недовольной толпы, но ему было все равно.

А вот и Каспий! Его тяжелые черты всегда напоминали Фариду о Посейдоне, он чувствовал море и любил его не меньше города. Прошлое нахлынуло со всей красотой восприятия, и Фарид не стал противиться этому порыву. Он хорошо понимал, что не сможет убежать от него прямо сейчас. Было бы неправильно не насладиться этим упоением. Фарид молча вдыхал свежий морской воздух, разбавленный доброй порцией вкуса «черного золота». Море казалось недовольным, неопрятным и слишком расслабленным. Зима, подумал

Фарид. Он знал, что море становилось таким каждый год. Год за годом оно лишь хорошело. Ветер хлестал волны о берег, совершенно не задумываясь о своей репутации. Фариду стало спокойно на душе. Он бродил по бульвару и представлял себе картины великих художников, которые с таким интересом разглядывал в детстве. Ему вспомнились моменты из «той» жизни. Он хотел отогнать их, но море лишь поддакивало в ответ, и он отступил. Эльчин и Алим словно превратились в невидимую тень Фариды. Эльчин был уверен, что тот кого-то ждет. Он смог передать свою уверенность Алиму, и он также начал проявлять живой интерес к происходящему. Фарид пропитался запахом моря, он чувствовал себя одиноким в огромном городе, родном городе, который так ждал его возвращения. Краски ночи сгущались. Море не умело волноваться слишком сильно, никакой ветер не мог заставить его поднимать огромные волны, оно не умело сердиться и город отвечал ему взаимностью. Фарид чувствовал запах жизни, и печаль растворилась в морской пене. Одиночество было лишь предлогом всему происходящему. Город не казался продрогшим от холода, из всех уголков, маленьких закоулков, больших проспектов лилось тепло и любовь. Фарид чувствовал дыхание моря и теплое одеяло любимого города. Все стало по-старому. Но он изменился. Он уже никогда не станет прежним.

— Какая ночь! — прошептал Фарид. Он расхаживал по бульвару, не обращая ни малейшего внимания на холод, ночь

и взгляды прохожих. Ему казалось, будто он вернулся из далекого мира и случайно остановился проститься с уходящим днем. — Превосходно! Прекрасно! Как же может море быть таким суровым и великолепным одновременно? Сколько я потерял дней и ночей без этой красоты. Такое ощущение, что жизнь прожита зря. Ничего уже не вернешь. Но я и не хочу что-либо возвращать. Я хочу остаться здесь и питаться чувствами от этой стихии. Отныне я не буду жаловаться на судьбу. Да и зачем тебе знать обо мне и моих страданиях? Ведь все, что произошло со мной, было следствием моей глупости. Я просто не сумел повзрослеть. Ты понимаешь меня? Согласен, очень часто сам с трудом понимаю себя. Представляешь, мне совсем не холодно, ты даришь мне свое тепло в зимнюю ночь. Можешь называть меня сумасшедшим, но я скучал. Я забыл все, но не забыл твоего запаха и шума, твоих волн и тепла летом. Спасибо за все! Нет-нет, я вовсе не собираюсь уходить. Ты знаешь, где меня найти. Мне пора...

Погода нашептывала дождь со снегом. Тучи сгустились, и город был в предвкушении водного карнавала. Ветер пустился в танец со стройными деревьями. Ночь торжественно восседала на троне и наблюдала за всем происходящим с утонченным безразличием. Погода ухудшилась и Фарид, поглубже завернувшись в свой балахон, решил возвращаться домой. Сердце беспокойно колотилось в груди, нагоняя воспоминания. Он побрел вдоль берега, старался ни о чем не думать, но мысли так и лезли в голову, наводя еще боль-

шую тоску. Фарид ничего не понимал. То, о чем он мечтал, не принесло ему ожидаемого удовлетворения.

— Опять что-то не так, — прошептал Фарид. — Какое-то все другое. Неужели люди изменились? Не пойму. Пойду-ка я лучше домой, а то как бы не промокнуть...

Он почти бежал обратно к своей крепости. Фарид был настолько поглощен своими мыслями, что не заметил два знакомых силуэта, которые ни на секунду не упускали его из виду. Великолепный план Эльчина потерпел крах. Алим внешне казался спокойным, но внутри бушевал ураган. Наконец, он не выдержал и процедил сквозь зубы:

— Ну что? Долго мы еще будем слоняться за этим идиотом? Ты не видишь или предпочитаешь разыгрывать дурачка?

— Ты что-то сказал? — спросил Эльчин.

— Кончай строить из себя болвана, Эльчин! — в ярости завопил Алим. — Скажи, зачем нам это нужно?

— Мы должны его разоблачить...

— Ты должен! Ты! А не я! Тебе это нужно, а не мне! Все, брат, мне это осточертело. Я ухожу.

— Э, нет! — протянул Эльчин и схватил друга за локоть, — ты никуда не уйдешь, а останешься тут, и мы будем вместе это расхлебывать. Что же получается? Ты сначала добровольно соглашаешься, а теперь хочешь слинять? Не выйдет! Если провал, то провалимся вместе. Один я себя на съедение монстру Директору не отдам. Слышишь меня?! Не отдам!

— Ты редкостный дурак, Эльчин. Я думал у тебя голова на плечах, но вижу, что ошибался.

— Все у меня есть и все на правильном месте. Ну, подумаешь, ошибся. С кем не бывает? Но это только сегодня. Рано или поздно мы выведем его на чистую воду.

— Да-да, конечно, ага, выведем. Ты сам-то веришь в эту чушь? — спросил Алим глухим голосом.

— А почему не верить? — ответил Эльчин все тем же невозмутимым тоном, — я по-прежнему считаю, что с ним не все в порядке, что он странно себя ведет, если не сказать большего.

— У тебя мания преследования, тебе повсюду мерещатся шпионы. Ты совсем из ума выжил со своим горе-директором...

— Пожалуйста, не упоминай о нем. Он ждет отчет о проделанной розыскной работе на завтра. Что мы ему скажем? Об этом нужно думать.

— Не мы, а ты. Я в этом участвовать отказываюсь. И вообще, у меня, между прочим, тоже есть работа, на которую иногда, но все-таки нужно ходить. Так что извини, друг, завтра выпутывайся сам. И послезавтра сам. А еще лучше, забудь про Фарида, или как его там. Просто оставим его в покое, а директору своему солжешь что-нибудь. По-моему, идеальный выход. Максимум, что он сделает, так это уволит тебя.

— Ты шутишь? — дрожащим от ужаса голосом спросил Эльчин. Он попытался схватить Алима за рукав, но пальцы

соскользнули с мокрой ткани. Алим не обернулся. Его шаги быстро растворялись в шуме дождя и ветра. Эльчин остался стоять один в пустом переулке, глядя на темные окна дома, где затаился Фарид. Город больше не казался ему полем для охоты, теперь он сам чувствовал себя загнанным зверем, над которым нависла тяжелая тень Директора.

Глава 8

Ночная тьма навалилась на Баку внезапно, словно на город набросили тяжелый, пропитанный солью и копотью бархат. Фарид вернулся в квартиру опустошенным. Он наскоро растопил камин. В полумраке комнаты его фигура, застывшая в глубоком кресле, казалась изваянием. Он восседал на этом троне, и глаза его блестели, отражая далекие огни за окном. Весь его вид сейчас напоминал старого римского рабовладельца, у которого еще остались остатки власти над своим маленьким миром, но чья душа давно превратилась в руины, занесенные песком отчаяния.

Его сердце жаждало света. Он шел в этот город, как к алтарю, ожидая, что Баку примет его, обнимет морским бризом и смоет грязь прожитых в бараке лет. Но город остался равнодушен. Эта тоска, выветренная резким ноябрьским ветром, вычеркнула последние надежды на искупление. Фарид хотел перевернуть страницу, начать писать жизнь на чистом листе, но ветер истории раз за разом возвращал его к помятому, исчерканному черновику.

— Забыть старое не получится, — прошептал он, и его голос в тишине прозвучал как хруст сухого льда. — Жизнь меня потрепала, выбросила и забыла. Я вернулся, но не нашел покоя. Шаг вперед и два назад. Я путник, нашедший пристанище в любимом городе, но город выталкивает меня,

как чужеродное тело.

Он долго смотрел в окно на суету улиц. Город казался ему непослушным ребенком, который капризничает и не желает засыпать. От огней, рекламы, гула машин рябило в глазах. «Зачем мне это было нужно? — думал он. — Что я потерял в этой суматохе несбывшихся надежд?»

Чтобы не сойти с ума от тишины, Фарид подошел к книжной полке, которую сам соорудил из находок в заброшенной квартире. Книги были его единственными верными союзниками. Он взял первый попавшийся том. Это был Блок. Фарид открыл страницу наугад, такой ритуал всегда заменял ему молитву.

*Когда ты загнан и забит
Людьми, заботой иль тоскою;
Когда под гробовой доскою
Все, что тебя пленяло, спит...*

Он читал вслух, и каждое слово ложилось на раны его души, как холодный компресс. Когда он дошел до строк о матери, голос его дрогнул:

*Когда по городской пустыне,
Отчаявшийся и больной,
Ты возвращаешься домой,
И тяжелит ресницы иней, —
Тогда — остановись на миг
Послушать тишину ночную:*

Постигнешь слухом жизнь иную,
Которой днем ты не постиг;
По-новому окинешь взглядом
Даль снежных улиц, дым костра,
Ночь, тихо ждущую утра
Над белым запущенным садом,
И небо — книгу между книг;
Найдешь в душе опустошенной
Вновь образ матери склоненный,
И в этот несравненный миг —
Узоры на стекле фонарном,
Мороз, оледенивший кровь,
Твоя холодная любовь —
Все вспыхнет в сердце благодарном,
Ты все благословишь тогда,
Поняв, что жизнь — безмерно боле,
Чем *quantum satis*¹ Бранда воли,
А мир — прекрасен, как всегда.

— О, мир! Прекрасный и вожденный мир! — Фарид почти кричал в пустоту комнаты. — Зачем ты заставляешь меня страдать? Почему добро в тебе всегда проигрывает? Ты дал мне увидеть рассветы и закаты, подарил любовь к слову, но зачем ты отбираешь у меня последнее утешение? Неужели нужно отпустить? Вина за ее уход выжигает все внутри!

¹ В полную меру (лат.)

Руки были заняты «важными делами», пока самый дорогой человек угасал... Как жить дальше с этим грузом? Эта вина единственное, что связывает меня с ней теперь!

Незаметно для самого себя он погрузился в сон. Тяжелое забытие перенесло Фарида в прошлое. Он снова увидел мать. Она стояла на фоне окна, залитого неземным, молочно-белым светом. В комнате сразу стало уютно, исчез запах пыли, сменившись ароматом свежего хлеба и ее духов.

— Как ты, сынок? — спросила она. Голос казался музыкой из детства.

— Все хорошо, мама... мне так тебя не хватало.

— Сынок, — ее лицо стало серьезным, — тебе нужно отпустить меня. Ты должен решиться.

— Нет! — Фарид во сне покрылся холодным потом. — Тысячу раз нет! Это равносильно смерти!

— Но я должна уйти, чтобы ты начал жить. Ты по-прежнему мой маленький Фарик, такой неприспособленный к этому жестокому миру. Но ты должен стать сильным. Решись на этот шаг...

Её голос отдалялся, растворяясь в шелесте звезд, оставляя Фарида в абсолютной, звенящей пустоте.

Утром 17 декабря он проснулся от странной тишины. Баку преобразился. Выпал первый снег — чистый, первозданный, скрывший под собой всю грязь и серость подворотен. Фарид, ведомый каким-то внутренним порывом, выбежал во двор. Он бегал по нетронутому снегу, как мальчишка,

чувствуя мимолетную, почти забытую радость. Но это была лишь вспышка перед бурей. Он знал, что сегодня день прощания.

Кладбище встретило его мертвенным безмолвием. Сосны и ели гнулись под тяжестью снега, словно скорбящие вдовы. Фарид шел по колено в сугробах, и его дыхание вырывалось из груди облачками пара. Он без труда нашел могилу. Гранитный камень хранил безмолвную тоску ее черт.

Он упал на колени прямо в снег. Холод мгновенно прошил брюки, но Фарид не чувствовал его.

— Мама, почему? Почему ты меня оставила? — кричал он, и этот крик, казалось, разорвал застывший воздух. — Почему ушла, не попрощавшись? Я хотел быть хорошим сыном, но подвел тебя. Я не спас тебя, не заметил боли за своим эгоистичным одиночеством! Я строил из себя философа, пока ты превращалась в тень!

Он скреб пальцами по обледенелому граниту, счищая снег с ее имени.

— Это мой крест! Одиночество стало моим замком, но этот замок оказался моей тюрьмой. Видишь, я совсем один! Вокруг только волки и тени! Поговори со мной! Не оставляй меня на съедение этому городу!

Фарид рыдал, и его слезы обжигали лицо, мгновенно замерзая на щеках кристаллами соли. Он простоял так долго, теряя счет времени, пока колени окончательно не онемели от снега. И когда силы почти покинули его, в звенящем ше-

лесте ветра он отчетливо услышал:

— Фари-и-ид! Подожди, мой мальчик... Останься еще на миг...

Он замер, боясь пошевелиться. Голос матери звучал ото всюду — из-под снежных шапок елей, из самой глубины земли.

— Ты молодец, что пришел, сынок. Я знаю, насколько ты сильный. Ты должен справиться с этой ношей. Опустить мой гроб со своих плеч, Фарик, тебе тяжело, тебе нужно двигаться дальше. Я не хочу видеть тебя таким раздавленным и виноватым. Я всегда буду рядом: в твоих снах, в твоих видениях, в каждом вдохе этого города. Но сейчас тебе необходимо проститься со мной по-настоящему. Иди к свету, мой мальчик... я люблю тебя.

Голос затих, сменившись обычным свистом ветра, но Фарид поднялся уже другим человеком. Он очистил пальто от снега и посмотрел на небо. Замок на сердце действительно лопнул, оставив после себя не пустоту, а странную, звенящую готовность к бою.

Он вернулся в квартиру поздно вечером. Дверь была не заперта. Внутри, в сизом мареве табачного дыма, Алим и Эльчин продолжали свою бесконечную грызню. Фарид замер в тени прихожей, слушая их.

— Ты вляпался в огромное дерьмо и уже утопаешь в нем! — голос Алима вибрировал от злости. — Тебя твой Директор по стенке размажет и даже не заикнется!

— Заткнись! — огрызался Эльчин, нервно отбивая такт пальцами по столу. — Я разберусь сам! Не хочешь сидеть здесь? Тогда уходи!

— А вот и не уйду! Где твой бандит? — Алим вскочил с кресла. — Он нас «кинул», Эльчин! Просто смылся и дело с концом! Теперь тебе, идиоту, понятно, что он изначально водил нас за нос?

Фарид мягко шагнул в круг света:

— Привет, ребята. Извините, я должен был предупредить, что вернусь поздно.

Эльчин издал звук, похожий на вздох утопающего, у которого над головой сомкнулась вода. На его глазах выступили невольные слезы облегчения. Алим же бросился к Фариду, разыгрывая бурную радость:

— Ну наконец-то! Ты живой! Фарид, брат, мы же тут места себе не находили!

— Где ты пропадал? — подхватил Эльчин, вытирая глаза. — Мы же извелись в поисках, все больницы и морги обзвонили! Так нельзя, Фарид, мы же друзья, мы за тебя головой отвечаем перед... — он осекся, но тут же добавил, — перед собственной совестью!

Фарид смотрел на этот театр с холодным интересом.

— Простите, ребята, я поступил неправильно. Я был у мамы, на кладбище. Мне нужно было с ней увидеться.

Друзья молча переглянулись. Лицо Эльчина мгновенно пошло багровыми пятнами. Радость сменилась бешеной

яростью загнанного зверя:

— На кладбище?! У мамы на могиле?! — закричал он, теряя контроль. — Фарид, ты в своем уме? Ты же клялся нам, что ничего не помнишь! Как ты нашел могилу? Как доехал?! Ты хоть понимаешь, какую игру ты затеял с Директором?!

Эльчин тут же прикусил язык, поняв, что ляпнул лишнего, но было поздно. Фарид медленно подошел к нему. Воздух вокруг него словно загустел.

— С Директором? — тихо, почти шепотом переспросил Фарид. Его глаза превратились в две ледяные щели. — Значит, маски сброшены?

Он внезапно схватил Эльчина за грудки, приподнимая его над полом. Алим опешил, не веря, что этот «тихий философ» обладает такой силой.

— Послушай меня, гнида, — зашипел Фарид прямо в лицо побелевшему Эльчину. — Ты посмел упомянуть самое дорогое, что у меня есть своим грязным, лизоблюдским ртом? Ты думал, я не видел ваших крысиных игр? Я же тебя в порошок сотру! Кто ты такой? Обычный червь, готовый продать родного отца за копейку от своего хозяина!

Фарид с силой отшвырнул Эльчина в сторону. Стол с грохотом перевернулся, посуда разлетелась в пыль, осколки со звоном запрыгали по паркету.

— Вон отсюда! — рявкнул он, и этот звук ударил в стены, как пушечный выстрел. — Забирай своего дружка-негодяя и катитесь к своему Директору! Скажите ему, что бомжара

больше не играет в ваши игры!

— Фарид, опомнись! — трясаясь от ужаса, выдавил Алим, вжимаясь в стену. — Ты спятил?! Мы же хотели как лучше!

— Пошли вон, сволочи! Оба! — зарычал Фарид в исступлении, хватая тяжелый стул и замахиваясь им. — Не то я за себя не ручаюсь! Я выжгу здесь всё, но вашего духа в этом доме не будет! Убирайтесь!

Эльчин и Алим, не помня себя от страха, выкатились в коридор. Их топот по лестнице звучал как бегство крыс с тонущего корабля.

Фарид тяжело опустился в кресло. Его трясло от выплеснутого адреналина. Фарид знал: это не конец, и они обязательно скоро вернутся. Через полчаса он уже был этажом ниже, затаившись в нише темной кладовки. Отсюда было видно всё: как они вернулись, как Эльчин, дрожащими руками сжимая нож, первым ворвался в квартиру, как Алим шел следом, бледный и решительный в своем отчаянии.

«Какие же вы предсказуемые, идиоты», — мелькнуло в голове у Фариды. Он бесшумно, словно тень, проскользнул вниз по лестнице и вышел в снежную ночь.

А наверху Эльчин выбивал дверь, орал в пустоту и, наконец, упал на пол среди обломков мебели.

Алим дрожащими руками развернул измятый лист, от которого всё еще едва уловимо пахло той самой кладбищенской сыростью и холодом. Почерк Фариды был ровным, почти каллиграфическим, словно он писал не в спешке, а с на-

слаждением выводил каждый пунктик смертного приговора.

«Дорогие мои идиоты!»

Поздравляю вас — вы официально облажались. Хотя, признаться, я хочу поблагодарить вас обоих. Вы сами того не понимая, спасли меня от неминуемой смерти рядом с вашим секретным объектом, привезли в мой любимый город и на короткое мгновение даже заставили вновь поверить в человеческую доброту. Но как же хорошо, что ваша «искренность» закончилась так быстро.

Вы действительно думали, что сможете манипулировать мной? Черта с два! Вы оба настолько предсказуемы в своей жадности и страхе, что мне не составило большого труда притворяться тем самым «выжившим из ума стариком», которого вы хотели видеть.

Представляю сейчас лицо моего дражайшего Эльчина — небось валяется на полу, сотрясая воздух своими никчемными кулачишками и брызгая слюной от бессилия. Ты, Эльчин, имел неосторожность упомянуть своим грязным ртом мою мать, а это никому и никогда не сходит с рук. Тебе несказанно повезло, что я не пришиб тебя прямо на месте, но пачкать руки о такую падаль — ниже моего достоинства.

А ты, Алим? Строишь из себя святошу, играешь в сочувствие, хотя ты — негодяй, возможно, еще больший, чем Эльчин. Твоя трусость, прикрытая моралью, вызывает лишь брезгливость.

Мне искренне жаль, что пришлось раскрыться так рано. У меня был прекрасный план подольше поиздеваться над вашей идиотской компанией, посмотреть, как вы будете извиваться перед своим Директором, пытаясь продать меня подороже. Но терпение мое не безгранично, а ваше присутствие стало слишком душным.

Мне жаль вас? Нет, ни капли! Вы заслужили эту собачью жизнь. Вы — рабы, которые сами выбрали себе цепи и теперь боитесь, что хозяин ударит вас сильнее обычного. Вы привыкли питаться объедками с чужого стола и называть это «успехом». Свобода, о которой я так часто вам говорил — это не то, что вы можете понять. Это то, от чего вы бежите в объятия своего страха.

Не ищите меня. Вы слишком мелки, чтобы найти человека, который наконец-то обрел себя. Город велик, и в нем тысячи теней, в которых я умею растворяться гораздо лучше, чем вы — в своей бесконечной лжи. Ищите ветра в поле, господа неудачники. Теперь вы предоставлены сами себе и своему Директору.

Я наконец-то дома. А вы — в аду, который сами себе построили. Прощайте, маленькие, жалкие люди».

Фарид стоял внизу, скрытый тенью подворотни. Он смотрел на освещенное окно, где метались тени его бывших тюремщиков, и на его лице блуждала тонкая, хищная ухмылка. Он поправил рюкзак и шагнул в темноту. Снег продол-

жал падать, бережно замечая следы человека, который наконец-то вернулся домой.

Глава 9

Фарид бежал, не оглядываясь. Исписанная страница должна быть перевернута вовремя, иначе чернила прошлого залиют всё будущее. Город напоминал огромного зверя, затаившего дыхание под снежным одеялом. Улица сменялась переулком, шумный проспект узким горлом тупика. Только когда легкие начало жечь от ледяного воздуха, Фарид рухнул на скамейку в парке.

— Если вдуматься, я был на волоске, — прошептал он. — Еще минута промедления, и эти двое разрезали бы меня на куски. Хорошо, что я сбежал вовремя. Эти придурки никогда меня не найдут, нужно лишь найти тихое место и залечь на дно. Боже, как же холодно! Но я жив и пока этого достаточно, чтобы не намыливать петлю!

Отдохнув еще некоторое время в пустынном парке, Фарид отправился на поиски ночлега. Перспектива ночевки под мостом выглядела слишком картинно, и Фарид, даже будучи на дне, сохранял остатки достоинства. В конце концов, он нашел пристанище в заброшенном детском саду. Стараясь не шуметь, Фарид пролез через отверстие в заборе и незаметно пробрался в здание. В старой котельной он устроил свой первый ночлег: затопил печь из старых ящиков, заделал окна и собрал всю ветошь в надежде обмануть холод.

— Это место станет моей крепостью, пристанищем оча-

рованного странника, — прошептал он. — Прошное нужно гнать прочь, едва подступит к горлу. Иначе затянет петлю раньше, чем успеешь опомниться. И чем раньше я это пойму, тем лучше. Нельзя доверять людям, нельзя подпускать их слишком близко...

Утром Баку проснулся ослепительно белым. Фарид решил не отставать — он сбрил бороду, надел чистую одежду, припрятанную в рюкзаке и впервые за долгое время посмотрел в зеркало. Из зазеркалья на него глядел человек.

Он решил, что не будет долго прятаться за ширмой старой котельной. Фарид мечтал как можно скорее помириться с городом и морем. Все еще опасаясь, что Эльчин и Алим каким-то образом найдут его, Фарид не выходил из своего убежища в светлое время суток. Но как только наступала ночь, его тень тихо скользила вдоль дорогих ресторанов и магазинов. День за днем он жил одним маршрутом, вдаваясь в пучину раздумий и грез. Мысли не материализовались, они жили, словно своей необдуманной жизнью, наперекор судьбе и року, который за ними не успевал. Когда часть прошлого, наконец, осталась за порогом, монотонный ритм его ночей внезапно оборвался.

Вечером 25 декабря все было как обычно. Фарид превратился в призрак улиц и жил как тень. Он бродил по любимым местам, мимо дорогих витрин, запоминая все детали, запахи, звуки.

— Эй, парень! Подожди! — голос неожиданно вырвал его

из раздумий. — Постой, пожалуйста, не уходи!

Фарид обернулся. Перед ним стоял худощавый парень лет двадцати пяти с огромными, лихорадочно блестящими глазами. Он буквально вцепился в плечо Фариды, тяжело дыша. — Наконец-то я тебя догнал! Слушай, не пугайся. Я Заур, работаю вон в том магазине.

— Очень приятно, я Фарид! И что тебе нужно от бродяги, Заур? — Фарид прищурился.

— Ты не понимаешь! — зашептал парень, оглядываясь. — Ты — моя удача. Я наблюдаю за тобой уже несколько дней. И знаешь, что я заметил? Как только ты проходишь мимо нашей витрины, так в магазине начинается столпотворение. Клиенты прут как сумасшедшие, касса бьет рекорд за рекордом! Я сказал об этом директору, а он обозвал меня сказочником. Но я верю в такие вещи. Не знаю почему, но верю всей душой. Ведь это же здорово, что скажешь? Пойдем со мной, я хочу, чтобы он тебя увидел. В тебе есть что-то...

— Странное, бомжеватое, грязное, — усмехнулся Фарид. — Суеверия странная вещь. Иногда только они и держат тебя над бездной. Зачем ему видеть меня? Поверь мне, Заур, я повидал на своем веку достаточно и уже ничего не хочу от этой жизни. К тому же директора по своей натуре одинаковые. Зачем мне лишний раз подвергать себя унижениям — ведь он просто-напросто выгонит меня.

— Нет, Фарид, Фуад муаллим золотой человек. Он очень строг с нами, но я ни разу не слышал, чтобы он поднимал

на кого-то голос, чтобы относился к нам с пренебрежением, чтобы ругал кого-то при всех. Скажи, тебе же нужна работа?

— Золотой человек? Заур, в этом городе золото всегда пахнет чужой кровью. Твой директор святой или просто хорошо считает деньги? — задумчиво произнес Фарид.

— Понимаю твои сомнения, но попробовать все же стоит. Ведь, по сути, ты ничего не теряешь...

— Дело совсем в другом, — сказал Фарид и недоверчиво посмотрел на Заура, — представь себя на моем месте. Как бы ты поступил? Очень странно, я обычный бомж, от меня плохо пахнет... И тут вдруг к тебе на улице подходят и говорят, что ты приносишь удачу.

— Это судьба, друг мой! — с торжественностью в голосе произнес Заур. — Хочешь верь, а хочешь смейся, но ты точно приносишь удачу. Пошли со мной. Фуад муаллим отличный мужик, и он не сделает тебе ничего плохого.

— Ну хорошо, ты меня уговорил... Посмотрим, может что и получится.

Когда они вошли в кондитерскую, Фарид невольно остановился. После холода, грязного снега и пустынных улиц это место казалось почти нереальным.

Он ступил на блестящий мрамор и едва не поскользнулся. Пол был настолько чистым, что ему вдруг стало неловко за свои мокрые ботинки. На витринах лежала золотистая пахлава, и каждый её слой, пропитанный янтарным сиропом, казался отдельной страницей в книге жизни, которую Фарид-

ду не давали прочесть. Тяжелые витрины из полированного дерева и гнутого стекла выставляли напоказ белоснежные башни тортов и ряды зеркального лукума. Стены были украшены ручной росписью с восточными мотивами, а в воздухе стоял густой, почти осязаемый аромат кардамона, топленого масла и дорогого бельгийского шоколада. Было видно, что каждый сантиметр этого места создан с любовью и маниакальным вниманием к деталям.

Заур провел его вглубь, к тяжелой дубовой двери с лако-ничной табличкой: «Ф. Мамедов. Директор». Он осторожно постучал и, услышав «Войдите!», жестом пригласил Фариду войти. «Хорошо, что я избавился от балахона», — подумал Фарид.

Кабинет Фуад муаллима поразил Фариду своей контрастностью. От роскоши торгового зала здесь не осталось и следа. Простая, почти спартанская обстановка: массивный письменный стол, пара жестких стульев, выдавшее виды кожаное кресло и старый сейф в углу. На стенах не было ни картин, ни грамот, только выцветшая фотография старого Баку и полка с религиозными книгами.

За столом сидел мужчина лет шестидесяти пяти. Фуад муаллим был коренным бакинцем той самой старой закалки, которых сейчас почти не осталось. Не с новых проспектов и стеклянных бизнес центров, а из другого времени.

Его лицо покрывали глубокие морщины. Спокойный взгляд и тяжелый подбородок выдавали человека, привык-

шего, чтобы последнее слово оставалось за ним. Аккуратно подстриженные седые усы только усиливали это ощущение.

В пальцах он медленно перебирал тяжелые четки. Они сухо щелкали в тишине кабинета.

На фаланге синела старая наколка. Почти стертая временем, но все еще заметная. Фарид, почему то сразу понял: в молодости Фуад муаллим был совсем другим человеком.

— Садись, — Фуад указал на стул, не прерывая щелканья четок. — Про твою «волшебную ногу» я уже в курсе. Теперь хочу послушать тебя. Кто ты? Только честно. Фальшь я за версту чую, так что не трать мое время.

— Я Фарид. И сейчас я — чистый лист, Фуад муаллим, — спокойно ответил он. — Не верю в приметы вашего продавца, зато верю в труд. У меня нет дома, нет семьи и, если честно, почти не осталось памяти о том, что было до прошлого месяца. Зато есть руки и честное слово.

— Честное слово человека с улицы? — Фуад поднял бровь.

— Честное слово человека, которому нечего терять. Вы построили всё это с нуля, я вижу это по вашему кабинету. Вам не нужны лстецы, вам нужны те, кто будет вкалывать на совесть. Я готов работать за еду и угол. Вы ничем не рискуете. Если подведу, вышвырнете в ту же секунду.

Фуад долго смотрел на него, и четки в его руках, наконец, замерли. В этом взгляде не было жалости — только суровая проверка на прочность. Прищурившись, он перевел тяжелый

взор на руки Фарида, задержавшись на сбитых в кровь костяшках.

— Дрался? — коротко спросил он.

— Защищался, — так же коротко ответил Фарид.

— Уметь защищаться — хорошо. Главное, чтобы не пришлось защищать мой сейф от тебя. Завтра в семь утра, — наконец произнес Фуад. — Будешь складчиком. Попроси ребят, введут в курс дела.

— Спасибо, Фуад муаллим, вы даже не представляете...

— Благодарить будешь потом, — отрезал Фуад. — Много платить пока не смогу, но дальше посмотрим. Можете идти.

— Вот видишь, — Заур с удовольствием протер очки, — я был уверен, что все получится.

— Сказать по правде, я не ожидал, что все пройдет именно так, — ответил Фарид, — он же меня совсем не знает.

— Он знает людей, Фарид! Он суровый, требовательный, но справедливый. Фуад муаллим рассказывал, чего ему стоило построить бизнес, поэтому для него это очень важно. Пойдем, я покажу тебе твое рабочее место.

Рабочим местом оказался небольшой задний двор, обнесенный каменной стеной, густо заросшей старым плющом.

— Очень похоже на «оранжерею», — сказал Фарид, потирая руки.

— Возможно, — отозвался Заур, — для нас это обычный двор, подсобка. Разгружаем, загружаем — вот и все. Теперь

пройдем в зал, и я познакомлю тебя с остальными.

«Жизнь здесь будет другой, — подумал он. — Никаких больше подвалов. Я сделаю этот двор своей цитаделью. Пусть это место напоминает тюрьму, пусть мне придется греться теплом от свечки и пить из железной кружки, я согласен! У меня будет работа, будет тишина. Я стану незаметным, но полезным. И, возможно, в этой тишине я вспомню все».

— Заур, тормози, — Фарид выставил ладонь, словно отгораживаясь от суеты магазина. — Хватит на сегодня. Я, честно говоря, в полном ступоре от этой скорости. Еще час назад я думал, где достать кипяток, чтобы не окоченеть, а сейчас стал вдруг талисманом в храме пахлавы. Это слишком крутой поворот, голова идет кругом. Не хочу выходить к людям с такой рожей. Еще, чего доброго, примут за идиота или решат, что под кайфом. Дай мне переварить этот абсурд в одиночестве.

— Все в порядке, Фарид, — Заур сиял так, будто выиграл в лотерею. — Я ребятам все растрепал. Они в курсе, кто ты и откуда. Ждут не дождутся знакомства.

Фарид резко остановился. Веселье Заура начало его раздражать, как назойливая муха в пустой комнате.

— «Растрепал»? — Фарид процедил это слово сквозь зубы. — Ты хоть понимаешь, что натворил? Ты выставил меня на витрину рядом со своими тортами. Теперь я для них словно говорящая диковинка, бродяга с «легкой ногой». За-

ур, запомни: я не клоун и не призер выставки собак. Я пришел сюда исчезнуть, а ты устроил мне выход на бис.

Заур осекся, его улыбка чуть померкла.

— Да ладно тебе, Фарид... Я же по-доброму. Хотел, чтобы приняли как своего.

— Своих обычно не рассматривают под лупой, — отрезал Фарид. — И чудес от них не ждут. Если завтра продажи упадут, кто будет виноват? Твой «талисман»? Не делай из меня мессию, парень. Я умею только работать до кровавых мозолей и молчать. Это все, что коллегам нужно знать. Если кто-то полезет ко мне с автографом, — Фарид горько усмехнулся, — я распишусь у него на фартуке грязным пальцем. Чтобы не забывали, из какой канавы я вылез.

Заур сглотнул, глядя на потемневшие глаза нового друга. В них больше не было того растерянного парня с улицы. Там была холодная дистанция человека, который слишком часто видел обратную сторону «доброты».

— Понял, — тихо сказал Заур. — Никаких праздников. Только работа.

— Вот и отлично, — Фарид поправил воротник. — А теперь идем знакомиться с коллегами.

Они все поняли сразу. Едва Фарид вышел из кабинета, шум в кондитерской начал стихать. На него смотрели исподлобья, настороженно, будто проверяли на прочность. Заур хотел что-то весело бросить, но, встретившись взглядом со спиной Фариды, передумал.

Его приняли. Без лишних улыбок, без хлопков по плечу и дежурного радушия. Просто приняли как человека, с которым теперь придется работать бок о бок.

И в этом молчании Фарид неожиданно почувствовал что-то теплое. Не жалость и не фальшивую доброту. Здесь пахло мукой, горячим тестом и честной усталостью людей, которые слишком много работают, чтобы лезть друг другу в душу.

«Ты один из нас. Остальное не наше дело».

Наверное, именно это они и хотели сказать своим молчанием.

Но рана внутри все еще кровоточила. И Фарид привычно прятал ее под холодом, который давно стал частью его самого.

«Нельзя к ним привыкать», — тяжело стучало в голове. — «Сначала улыбаются, зовут к столу, а потом однажды делают больно так спокойно, будто имеют на это право».

Фарид коротко кивнул кому-то из ребят. Почти машинально.

Они вышли на улицу. Морозный воздух сразу ударил в лицо после душного тепла кондитерской. Фарид глубоко вдохнул. Сладкий запах ванили все еще сидел в легких. И почему-то это начинало его тревожить.

— Ну что, я тебе говорил? — Заур потер ладони и довольно улыбнулся. — Фуад муаллим просто так людей не берет. Завтра выйдешь, потихоньку втянешься, а там и жизнь наладится.

Фарид остановился и медленно посмотрел на него.

— Зачем тебе все это, Заур?

Парень растерялся.

— В смысле?

— В прямом. В этом городе никто не возится с чужими проблемами просто так. Ты потратил на меня вечер, поговорил с Фуад муаллимом... Ради чего?

Заур несколько секунд молчал, потом тихо усмехнулся.

— Слушай, по-моему, жизнь тебя совсем перекутила. Не все люди ждут выгоду за каждый хороший поступок. Мне просто стало тебя жалко, вот и все. Ты выглядел так, будто еще немного — и свалишься прямо на улице.

Фарид отвел взгляд.

Слишком просто. Слишком по-человечески. Он уже отвык от такого.

— Извини, — негромко сказал он. — Просто обычно за добро потом требуют оплату.

— Да брось ты, — махнул рукой Заур. — Только завтра не опаздывай. Старик Фуад с этим больной на всю голову. Пять минут задержки — и полетишь обратно на улицу. Здесь пашут как проклятые.

— Понял, — кивнул Фарид. — Буду раньше всех.

— Береги себя, — Заур поправил шарф и быстро зашагал в сторону метро.

Фарид еще долго стоял у закрытых дверей кондитерской. Он чувствовал, как внутри него что-то скрежещет — это ста-

рые механизмы доверия, давно заржавевшие, пытались сделать первый оборот.

На следующее утро Фарид был на месте в шесть сорок. Город еще спал, укрытый серым саваном тумана, а у черного входа в кондитерскую уже урчал мотором старый фургон.

Ислам, водитель-экспедитор, вылез из кабины, кряхтя и хватаясь за поясницу. Это был человек-газета: он проводил за рулем по двенадцать часов, знал каждую выбоину на бакинских дорогах и каждую сплетню в правительственных кварталах.

— Опаздываем, парень, опаздываем, — прохрипел Ислам вместо приветствия. — Фуад нас живьем съест. Помоги-ка с этими ящиками.

Фарид молча подошел к фургону. Он работал методично, как машина. Ислам пытался завязать разговор, он травил анекдоты про гайшников, пересказывал вчерашние новости о ценах на нефть, но натыкался на стену холодного цинизма.

— Тебе за разговорчивость доплачивают? — сухо спросил Фарид, принимая тяжелый короб с мукой.

— Злой ты, — хмыкнул Ислам. — В нашем деле без новостей — как без бензина. Знал бы ты, что на Торговой творится...

Договорить он не успел. Ислам внезапно охнул, лицо перекосилось, и он начал медленно оседать на грязный снег, прижимая руки к пояснице. Ящик едва не рухнул на ноги. Фарид среагировал мгновенно: подхватил груз одной рукой,

а другой удержал Ислама.

— Спина? — коротко спросил Фарид.

— Грыжа, мать ее... — прошипел водитель, бледнея. — Все, приехал Ислам. Сейчас Фуад выйдет, и хана моей работе.

Фарид дотащил Ислама до скамейки в «оранжерее» и, не говоря ни слова, начал разгружать фургон сам. Он двигался быстро и бесшумно. Когда последний ящик оказался на складе, Фарид вернулся к Исламу и протянул ему небольшой термос с горячим чаем.

— Сиди тихо. Скажем, что я сам все выгрузил, чтобы время не терять. Фуаду лишние проблемы не нужны, и тебе тоже. — Ислам посмотрел на него снизу вверх — в его взгляде смешались боль и искреннее изумление.

— Спасибо, парень. Я в долгу...

— Никто никому ничего не должен, — отрезал Фарид, возвращаясь к работе. — Просто не хочу, чтобы под моими ногами трупы валялись в первый же день. А ты займись здоровьем.

— У меня нет на это времени, — устало произнес Ислам, — я должен работать, чтобы прокормить своих.

— Если ты окончательно сляжешь, то уже никак не сможешь им помочь. Здоровье — это стержень. Самый важный. Тут уж без прикрас. Ты тянешь, но не понимаешь, чем это может обернуться. Не тни, болезнь не сулит ничего хорошего. Займись ею!

Потянулись серые будни. Работа-дом, дом-работа. Кондистерская стала для Фарида единственным местом, где он чувствовал себя в безопасности, но дома... дома его ждал ад. Как только он закрывал дверь своей «съемной квартиры», тишина начинала кричать. Призраки прошлого просачивались сквозь щели в полу, обретая плоть в ночном полумраке. Ему снилась Она — безымянная женщина из его прошлой жизни. Он видел ее смех, который превращался в скрежет металла, чувствовал аромат ее духов, от которого сводило челюсти, но каждый раз при попытке выкрикнуть ее имя горло перехватывало спазмом. Имя вертелось на языке, дразнило его, рассыпалось на глухие согласные, но так и не складывалось в слово. Она тянула к нему руки, и Фарид во сне ждал объятий, но ее пальцы смыкались на его горле. Сны были настолько реальными, что он просыпался в холодном поту, скребя ногтями шею и не понимая, в каком десятилетии очутился.

К концу года Фарид выглядел как тень. Синяки под глазами, ввалившиеся щеки и еще более колючий, затравленный взгляд. Коллеги видели это. Даже Фуад муаллим пару раз задерживал на нем тяжелый взгляд своих четок, но молчал.

31 декабря. Вечер. В «оранжерее» было непривычно тихо. Ребята решили поздравить Фарида. Заур, сияя как начищенный самовар, вынес подарок.

— Это тебе, Фарид. Чтобы записывал мысли, раз уж ты у нас такой загадочный. — Заур протянул блокнот в перепле-

те из темной кожи. Блокнот казался неожиданно тяжелым. Будто внутри уже лежало все, о чем Фарид столько времени молчал. Он смотрел на подарок, и в эту секунду «холодное извятие» окончательно дало течь. Слишком много всего: ледяная котельная, предательство, которого не мог вспомнить, и эта внезапная, простая доброта людей, которым он так боялся доверять.

Фарид закрыл глаза, пытаясь сглотнуть ком, вставший в горле. Он ждал, что сейчас его снова накроет тенью из сна — той безымянной женщиной, которая душила его каждую ночь.

Но вместо удушья пришло тепло.

Чья-то ладонь, уверенная и сухая, накрыла его дрожащие пальцы, сжимавшие блокнот. Фарид вздрогнул, и это движение было похоже на то, как просыпается зверь, попавший в капкан. Он открыл глаза.

Перед ним стояла Ясаман.

В «оранжерее» внезапно стало очень тихо. Заур, Ислам, кондитеры — все они словно отошли на второй план, превратившись в размытые пятна. Ясаман не улыбалась той приторной улыбкой, от которой Фарид тошнило. В её осанке, в повороте головы была такая властная, природная тишина, что любая попытка защититься цинизмом казалась сейчас неуместной и жалкой.

— Хватит воевать с призраками, Фарид, — сказала она.

Ее голос не дрожал. В нем не было жалости — только спо-

койное знание чужой боли. Фарид посмотрел в ее глаза и... провалился. Из-за толстых стекол очков на него взглянул серый штормовой океан. Это была бездна, в которой Фарид не нащупал дна, но из которой, как ни странно, совсем не хотелось спастись.

Он почувствовал, как его сталь, его выстраданная годами броня осыпается к ногам, как бесполезный мусор. Он смотрел в эти глаза и понимал, что все, что было «до» — подвалы, деньги, предательство, бегство — было лишь долгой прелюдией к этой секунде.

«Я пропал», — мелькнуло в сознании последнее осознанное чувство.

Над заснеженным Баку расцвел первый залп новогоднего салюта, но Фарид его не слышал. Он тонул в серой глубине глаз Ясаман, и это было самое прекрасное, что случилось с ним в жизни.

Глава 10

Жизнь человека, брошенного судьбой на верную погибель, постепенно возвращается в свою колею. Жизнь, которая ударила о стену и разодрала костяшки в кровь, раздавила остатки цинизма о жужжание майского жука над головой и шелест листвы на весеннем ветру.

— Боль очень ревнивая штука, Ислам, — Фарид стер пот, оставив на лбу грязный след от муки. — Если ты не уделишь ей время сейчас, она заберет у тебя все время потом. Она сожрет твоё внимание, твой сон, твою волю, пока ты не превратишься в скулящий кусок мяса. Я видел таких. Они тоже думали, что «потом» — это надежное место. Но «потом» не существует, есть только «сейчас», где у тебя хрустит позвоночник.

— Я не могу, Фарид! — корчась от боли, ответил Ислам. — Меня никто не будет ждать неделями, пока я буду лечиться. Да и больницы нынче очень дорогие. Недавно такой скандал был в одной из клиник: пациент поступил с болью в животе, а ему аппендикс вырезали, прикинь! Таких «хороших» новостей полным-полно, уже не знаешь, чего и думать. К тому же наш муаллим...

— Наш муаллим не похож на человека, который способен уволить человека за то, что он болен, — перебил Фарид, — Разве нет?

— Все верно, но он не любит, когда работа стоит. Вот начну я лечение, а он позвонит и скажет: «Ислам, пока ты восстанавливаешься, я возьму другого, а как ты вылечишься, вернешься» — вот тут то и спрятаны камни, Фарид! Ох же ты, черт побери! — Ислам издал истошный звук и распластался в кузове. Лицо исказила гримаса боли.

Фарид бросил коробку и запрыгнул в кузов.

— Видишь, до чего ты себя доводишь?! — закричал он. — Все, не буду тебя больше слушать, сегодня же вечером я сам поговорю с муаллимом...

— Ты святой человек, — прохрипел Ислам, — но не нужно подставлять себя из-за меня...

— Чушь не неси а! — Фарид подставил спину, Ислам оперся на плечо и вылез из фургона. Фарид усадил его на скамейку, а сам сел рядом.

— Доброе утро! Что у вас здесь происходит, молодые люди? — Ясаман стояла в дверях, подперев бока. Фарид вздрогнул и повернулся. Серый океан смотрел сурово сквозь линзы очков.

— У нас... все в порядке, Ясаман... ханум, — Фарид внешне почувствовал, как глыба его цинизма дала трещину. Он старался не смотреть в глаза Ясаман, понимая, что так еще больше загоняет себя в ловушку. Ислам, корчась от боли, постарался было встать, но лишь издал вопль и повалился обратно на скамейку. Ясаман перешагнула порог и оказалась лицом к лицу с Фаридом.

Десять дней в мучном чаду, где Фарид постепенно превращался из призрака в человека с мозолями на руках. И все эти десять дней он кожей чувствовал ее присутствие.

— «В порядке» так не кричат, Фарид, — тихо сказала Ясаман. В ее голосе не было начальственного окрика, только сухая правда. — Ислам, ты белый как мел. Что с тобой? — Ясаман сделала шаг к водителю, игнорируя попытки Фариды закрыть его собой. Она видела, как Ислам вцепился в спинку скамейки. — Ты еле дышишь. Опять пытался казаться сильнее, чем ты есть?

Она сделала шаг вперед. Теперь их разделял едва ли метр. В утреннем морозном воздухе их дыхание смешивалось. Фарид замер. От Ясаман пахло не цветами и не пудрой — от нее шел густой, честный аромат свежего теста, сухой полыни и едва уловимый, острый запах озона, какой бывает перед грозой. Она была чуть ниже его, но казалась выше за счет безупречной, почти военной осанки. Она никогда не сутулилась, словно невидимая струна тянула ее макушку к небу. На ней был белый чепчик, под который были наглухо спрятаны густые каштановые волосы, скрученные в тугой, тяжелый узел. Лицо её было лицом взрослого человека, который слишком рано узнал цену выживанию. Прямой, чуть широкватый нос «картошкой» лишал образ надменности, делая его по-настоящему живым. Но глаза... серый океан за толстыми линзами очков смотрел сурово и прямо.

Ясаман тоже застыла. Она смотрела не на него, а словно

сквозь него, но Фарид видел, как расширились ее зрачки за толстыми стеклами очков. Она «принюхивалась» к нему, к этому странному мужчине, от которого пахло табаком, холодом и какой-то древней, опасной силой. Это не была похоть. Это было узнавание — так одна стихия узнает другую. Секундная пауза затянулась, превращаясь в гудящее электричество.

«Потрясающая девушка», — мелькнуло в голове у Фариды. В ней не было ни капли фальши. Каждая линия её лица, каждый жест были наполнены такой подлинностью, что собственное прошлое на секунду показалось ему дешевой театральной постановкой.

— Ты за него заступаешься? — Ясаман первой нарушила тишину, и ее голос чуть дрогнул, прежде чем снова стать твердым. — Ты здесь без году неделя, а уже лезешь в пекло. Если Фуад узнает, что Ислам не может водить, он сильно огорчится. Ты этого хочешь?

Фарид выпрямился, стряхивая с себя оцепенение.

— Ему нужен врач, — отрезал он. — А машину я разгрузу сам. И отгоню, если надо. Я не дам ему пропасть.

Ясаман чуть прищурилась. Она видела перед собой не просто грузчика. Перед ней стоял человек, способный сокрушить горы ради того, во что верит.

— Машину он отгонит... — пробормотала она, и в сером океане глаз на мгновение проступила мягкость, которую она тут же спрятала. — Хорошо. Докажи, на что ты способен.

Ислама я заберу в подсобку, дам мазь. А ты закончишь погрузку. Если через полчаса фургон не уедет — пеняй на себя.

Она повернулась к Исламу, подставив ему свое крепкое плечо.

— Обопрись на меня, горе-водитель. Дойдем до дивана.

Фарид смотрел им вслед. Его била мелкая дрожь, но не от холода, а от того невероятного напряжения, которое только что возникло между ними в этом метре пространства. Он понимал: его «капсула спокойствия» взорвана. И взорвала ее девушка в белом чепчике с мукой на руках.

Он схватил первый ящик так сильно, что дерево хрустнуло под пальцами. Ему нужно было измотать себя до полусмерти, чтобы не думать о сером океане, накрывшем с головой. Фарид так увлекся работой, что не замечал ничего вокруг, но ему казалось, что за ним следят. Следят пристально, испытующе, следят не просто как за рабочим, а как за объектом, вызвавшим интерес. Он хватал ящик за ящиком, коробку за коробкой, занозы впивались в ладони, кровь смешивалась с мучной пылью, превращаясь в липкую грязь. Фарид не чувствовал боли. Он хотел, чтобы мышцы горели сильнее, чем мысли о девушке за спиной. За мутным стеклом подсобки Ясаман видела каждое его движение. Этот взгляд жег спину сильнее, чем солнце. Морозный воздух «оранжереи», плющ на заборе, запах кардамона и корицы создали нужную атмосферу. В самой подсобке пахло мятой и спиртом. Ясаман осторожно втирала мазь в поясницу Ислама, но

ее мысли были снаружи. Она то и дело бросала взгляд в окно, где Фарид, мокрый от пота, ворочал тяжести за двоих. В его движениях было столько подавленной силы и отчаяния, что у нее перехватывало дыхание.

— Тебе стало лучше? — спросила она, заставляя себя вернуться к Исламу.

— Да, Ясаман, спасибо тебе, — Ислам осторожно прихлебывал чай из «армуду». — Твой чай великолепен, как всегда. Думаю, я смогу сесть за руль. Можешь на меня положиться.

— Ты уверен? — она поправила очки, скрывая волнение.

— Вполне. Ты же... ничего не расскажешь Фуаду?

— Не расскажу. Но если еще раз увижу такое, то вам уже не выкрутиться. Я не хочу однажды найти тебя под фургоном, а твоего друга в больнице. Допивай и иди. Фарид уже управился.

Ислам положил «армуду» на блюдце и прикрыл его ладонью, выражая этим жестом свою благодарность. Он выглянул в окно, а затем выскочил на улицу. Фарид, обессилив, повалился на скамейку. Тяжелая грудь ходила ходуном.

— Вот мужик! Глыба! Герой! — заорал Ислам. — Фарид, красавец!

Ясаман вышла из подсобки медленно. Она остановилась на пороге, глядя на Фариду. Теперь, когда Ислам суетился у машины, проверяя затворы, между ними снова возник тот самый невидимый коридор в один метр.

Через мгновение, «оранжерея» залилась ревом мотора

«Газели». Ислам открыл ворота, помахал на прощание и укатил в утренний город. Внутри воцарилась необъятная тишина. Фарид продолжал сидеть на скамейке, разглядывая содранные в кровь руки. Мука на ранах уже начала подсыхать, стягивая кожу. Ясаман ушла внутрь, но через минуту вернулась с влажным полотенцем.

— Нужно закрыть ворота... — прошептал Фарид, пытаюсь встать, но мышцы подвели, отозвавшись свинцовой тяжестью.

— Сиди. Я сама, — так же шепотом, словно боясь спугнуть это странное, хрупкое утро, ответила Ясаман.

Она ловко набросила засов и вернулась к нему. Не села. Осталась стоять над ним, высокая и прямая, как натянутая струна.

— Вот, возьми. Протри руки, иначе загноятся.

— Спасибо, — буркнул Фарид.

Он поднял голову, и их взгляды встретились. Ясаман не отвела глаз, но вдруг, словно подавленная этим контактом, порывистым движением сняла очки. Она принялась протирать линзы краем фартука. Фарид замер. Без толстых стекол ее «серый океан» оказался бездонным и пугающе незащищенным. В уголках глаз затаилась усталость, которую очки до этого маскировали под строгость.

— О боже... — едва слышно выдохнул Фарид. Это не было молитвой, скорее стоном человека, увидевшего свет в конце бесконечного тоннеля.

— Что случилось? — спросила она. Голос ее дрогнул, но она тут же вернула ему привычную твердость. — Почему ты так смотришь?

— Ничего. Все в порядке, Ясаман ханум.

Он заставил себя отвести взгляд, уткнувшись в полотенце. Грязь и кровь оставляли на белой ткани безобразные следы.

— Слишком много «порядка» для одного утра, — она надела очки обратно, и маска «старшего продавца» мгновенно вернулась на место.

— И почему ты называешь меня «ханум»? К чему ты строишь эту стену?

— Соблюдаю субординацию, — ответил Фарид. Он попытался вернуть себе привычный тон — холодный, как кафель в морге. — Здесь ведь так принято, не правда ли? Хозяева и слуги.

Ясаман застыла. Ее лицо побледнело, а губы сжались в тонкую линию.

— Нет, не принято, — сухо бросила она. — У Фуада нет слуг. У него есть люди. Но если тебе так удобнее прятаться за титулами... что ж, твое право.

Она резко развернулась и пошла к двери. Ее походка оставалась прямой, а осанка властной, но Фарид, глядя ей в спину, вдруг заметил, как дрогнули ее плечи. В этом огромном пустом мире, среди запахов муки и кардамона, она вдруг показалась ему удивительно маленькой и одинокой, несмотря на всю свою «директорскую» сталь.

Он остался один, сжимая в руках влажное полотенце, которое уже успело впитать холод утра и серость его прошлого.

В тишине «оранжереи» время вдруг потеряло свою тягучесть, превратившись в тонкую пыль, что висела в лучах утреннего солнца. Так бывает: человек строит баррикады годами, выверяет каждый кирпич своего равнодушия, а потом одна женщина снимает очки, и вся эта архитектура рушится от одного движения ресниц.

Мир — это странный аукцион, где мы пытаемся выкупить свое прошлое за гроши настоящего. Фарид смотрел на свои руки и видел не просто ссадины. В них была вся его жизнь: грубая, пропахшая мукой и потом, лишенная красивого блеска, но почему-то настоящая до боли. Еще две недели назад он был тенью на холодной набережной, сегодня он — человек, чей взгляд заставляет взрослую женщину прятать глаза.

Цинизм часто называют броней. Наверное, потому что так проще. На деле же это просто обгоревшая кожа человека, который слишком долго жил без тепла. Можно сколько угодно убеждать себя, что любовь — всего лишь привычка или химия, но сердце от этого не становится спокойнее.

Время тоже ничего не лечит. Оно просто учит жить с болью так, будто та всегда была частью тебя. Но иногда, в особенно тихие вечера, появляется странное чувство, будто внутри еще осталось что-то живое.

Фарид смотрел, как Ясаман уходит, и тишина «оранже-

реи» начала давить на уши сильнее, чем грохот цеха. Он сжал кулаки так, что содранная кожа на костяшках снова лопнула.

«Дурак», — коротко и зло подумал он. — «Нагрубил единственному человеку, который посмотрел на тебя не как на падаль. Но так лучше. Стены строят для того, чтобы за ними не видели твоих руин».

Он тряхнул головой, отгоняя нахлынувшее марево. Чувства — это роскошь для тех, у кого есть завтрашний день. У Фарида были только грязные руки, долг перед Исламом и дверь кабинета Фуада впереди.

— Я обещал, — прохрипел он в пустоту, словно закрепляя контракт с самим собой. — Значит, сделаю.

Он бросил полотенце на скамейку и вошел внутрь магазина. Фарид остановился перед кабинетом, решительно постучал два раза и, не дожидаясь приглашения, открыл дверь. Он прошел к столу и сел, глядя Фуаду прямо в глаза. Фуад неторопливо закрыл амбарную книгу. На столе в маленьком стакане «армуду» остывал крепкий чай, темный, как каспийская ночь.

— Ясаман сказала, ты сегодня за двоих отдувался, — спокойно начал Фуад, перебирая янтарные четки. — Спасибо, Фарид. Ты спас заказ.

— Я здесь не за «спасибо», муаллим, — голос Фарида был сух, как песок Апшерона. — Я пришел сказать, что с Исламом все в порядке и он может работать. А если снова подве-

дет спина, то я его подменю.

Фуад чуть прищурился, в глубине его глаз мелькнула искра — не то гнев, не то любопытство.

— Ты за него ручаешься? Он всего лишь водитель, Фарид. Таких много за воротами.

— Я видел много таких «за воротами», но они не стоят ничего, — неспешно заговорил Фарид, не опуская взгляд, — они подставят вас при первой же возможности. Я не пришел просить за него, я лишь твердо знаю, что мы вдвоем стоим троих, которые ждут за воротами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.